

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

КАРЕН УАЙТ

*Последний вечер
в Лондоне*

«Тревожная атмосфера военного времени и романтика наших дней — новый роман Карен Уайт объединяет две реальности в одну увлекательную историю».

Library Journal

Карен Уайт
Последний вечер в Лондоне
Серия «Зарубежный
романтический бестселлер.
Романы Сары Джио и Карен Уайт»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66113022

К. Уайт. Последний вечер в Лондоне: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-157448-2

Аннотация

Лондон, 1939 год

Ева и Прешес – амбициозные подруги, которые мечтают стать моделями. Но военное время диктует свои законы, и девушки оказываются втянуты в сеть интриг, где шпионаж, предательство, дружба и любовь являются главными ставками в борьбе за мирное будущее.

Лондон, наши дни

Журналистка Мэдисон Уорнер собирается взять интервью у своей родственницы, бывшей модели Прешес Дюбо, и написать статью о моде в период Второй мировой войны. Вместе со своим старым знакомым Колином, который когда-то был в нее влюблен,

Мэдисон изучает письма и фотографии Прешес. Это подводит ее к удивительному открытию, а также к мысли, что ей следует разыскать давнюю подругу Прешес, Еву, чья личность годами была окутана тайной.

Содержание

Пролог	7
Глава 1	16
Глава 2	28
Глава 3	52
Глава 4	64
Глава 5	78
Глава 6	101
Глава 7	122
Глава 8	138
Глава 9	159
Глава 10	179
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Карен Уайт Последний вечер в Лондоне

Karen White

The Last Night in London

© Harley House Books, LLC, 2021

© Миронов И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Тиму за все.

*И тридцати двум тысячам жителей Лондона,
погибшим во время Блица¹. Вы не забыты.*

...И чувства

Отрад забытых, тех, что, может быть,

Немалое влияние окажут

На лучшее, что знает человек, —

¹ «Блиц» (англ. The Blitz) – бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940-го по 10 мая 1941 года.

*На мелкие, невидные деянья
Любви и доброты ².*

Уильям Уордсуорт

² Перевод В. Рогова.

Пролог

Лондон

Март 1941 года

Холодная, ясная ночь содрогнулась и застонала, когда тишину разорвал нарастающий гул сотен двигателей. Выстроившиеся в цепочку самолеты, словно обозленные шершни, прорезали потемневшее небо над городом, уже одетым в черное в преддверии неминуемого траура.

Пробираясь сквозь толпу бегущих к бомбоубежищу лондонцев, она ощущала в горле привкус пыли и гари. Какой-то мужчина схватил ее за руку, словно хотел направить в другую сторону, но прозвучавший поблизости взрыв заставил его ослабить хватку и поторопиться за толпой. Она попыталась перехватить чемодан поудобнее – давление на грудь мешало дышать. На нее обрушились усталость и боль, но она только приветствовала их, потому что они скрывали кровоточащую рану невыносимого горя. Шатаясь, она двигалась вперед: незамеченные порезы на ноге и лбу сочились кровью, а едкий смрад взрывчатки перемешался с жутким запахом смерти.

Она с опаской передвигалась по неосвещенной главной улице, столь знакомой при дневном свете, но столь чужой для нее сейчас. Ночное небо расцвело пламенем и багровым светом, когда зенитные установки ответили громким лаем

на завывания банши ³ сирен воздушной тревоги. Прижавшись к стене – словно так можно было спрятаться от этих звуков, этого шума и всего этого ужаса, – она закрыла глаза. «Лунная соната». Кто-то – она не помнила, кто именно, возможно, кто-то из подпольного клуба – однажды шепнул ей, что именно эту мелодию он называет музыкой ночных бомбардировок. Тогда она решила, что это превосходная мысль, чудесный способ найти что-то хорошее в чем-то настолько ужасном. Но тогда она была моложе. Тогда она более охотно соглашалась с тем, что мир еще не лишился своей красоты, в то время как все вокруг горело и тлело, а лишённые крыш здания, словно умирающие от голода птенцы, разевали рты в безучастное небо.

Неподалеку упала еще одна зажигательная бомба. Взметнулся еще один огненный шар. Разрушилось еще одно здание, еще один кров, еще одна жизнь, когда непоследовательный перст судьбы беспечно ткнул наугад. Тротуар загромыхал под ногами. Спотыкаясь, она сошла на дорогу, чуть не лишившись драгоценного багажа. Раздался пронзительный свисток уполномоченного по воздушной обороне, но он потонул в реве моторов в небе. Пока она бежала, малыш лежал смирно; полузакрытый верх саквояжа защищал его от пепла, летящего от горящих зданий.

Она нырнула к дверному проему, чтобы перевести дыха-

³ Банши – в ирландском фольклоре и у жителей горной Шотландии феи, предсказывающие смерть.

ние, ощущая странную благодарность пожарам за то, что они освещали ей путь. Совершенно уверенная в том, что оказалась на МакФаррен-Плейс, она вжалась в немного утопленную в стене дверь, представляя себе, что слышит приближающиеся с той стороны шаги. Нужно было бежать, пока она не доберется до нужного места. Она не знала, что станет потом делать, но об этом можно было подумать позже.

Над головой пронеслась очередная цепь самолетов; рокот двигателей эхом отозвался в ее костях. Она готова была рухнуть на пороге и так и лежать, пока не наступит рассвет или смерть, что бы ни пришло раньше. Но она не могла. Она снова ощутила тяжесть саквояжа в руках, а легкое шевеление внутри напомнило ей, почему она не могла сдаться.

Она стояла, широко расставив ноги для равновесия и ложного ощущения силы, которое оно придавало ей. Пока земля вибрировала, она держалась за этот слабый проблеск силы воли, не позволяющий ей остановиться. И именно он снова вытолкнул ее на улицу и заставил двигаться, когда откуда-то сзади донесся рев следующей стаи самолетов.

Пока она пряталась в очередном дверном проеме, самолеты пролетели обратно, сбросив свои бомбы возле Оксфорд-Стрит. Ее плечи и руки ломило от тяжести саквояжа. Как такой небольшой предмет мог настолько много весить? Но остановиться она не могла. Не сейчас. Не после всего произошедшего. Она не выдержит еще одной потери, которая станет самой большой и заключительной дырой в чаше

ее везения.

В ушах звенело от обрушившейся на город какофонии разрушения, во рту стоял медный привкус крови – она прикусила губу, сдерживая дрожь. Случайная бомба могла упасть прямо на нее и ее ценный груз, вне зависимости от того, где находилась намеченная цель – непредсказуемая рука судьбы никогда не знает, куда опустится.

Избегая уполномоченных и любого, кто мог сбить ее с пути, она продолжала торопливо двигаться вперед, пока не добралась до Дэйвис-Стрит и площади, где красивые дома Георгианской эпохи теперь были укрыты в черное, а их затемненные окна напоминали сонные глаза. Она знала этот дом и даже бывала внутри. Знала, что подвал используется как частное бомбоубежище, оснащенное электричеством и обеспеченное продуктами, мягкими матрасами и одеялами. Но сюда она пришла по другой причине. Она не собиралась оставаться здесь.

Светящиеся белые перчатки уполномоченного по воздушной обороне поманили двух женщин, одетых так, словно их только что вытащили с торжественного приема; они заковыляли за ним, когда он повел их в общественное бомбоубежище. Прижав крепче саквояж, она вжалась в кованую ограду дома и опустила лицо, чтобы скрыть его бледность. Когда эти трое исчезли, она с опаской двинулась вдоль забора, а затем отперла калитку. Осторожно спустившись по лестнице, она повернула дверную ручку, ни на секунду не задумав-

шись, что станет делать, если дверь окажется запертой.

Дверь открылась. Перед ней оказалось пустое помещение, заполненное лишь матрасами и диванными подушками, сваленными у окон и стен. В свете мерцающего огня уличного пожара она увидела закрытую дверь в дальнем конце помещения. Запомнив, где она расположена, она закрыла за собой вход, оставшись в крошечной темноте. Чем ближе она подходила, тем явственнее из-за двери раздавалось тихое бормотание. Она остановилась перед дверью и подняла руку, чтобы постучать, а затем замерла и одними губами прочитала старую, из детства, молитву к Богу, который, как ей казалось, уже не слушал ее. Закончив, она прошептала в темноту «Аминь», а затем отрывисто постучала костяшками пальцев по дереву.

Голоса смолкли; затаив дыхание, она прислушивалась к приближающимся шагам.

– Кто там?

Женский голос, звонкий и интеллигентный. Англичанка. От облегчения у нее едва не подкосились колени.

– Это я. Откройте, пожалуйста, дверь.

Дверь рывком распахнулась, позволив ей разглядеть небольшую комнату с опрятными койками вдоль стен, небольшую хрустальную лампу, сверкающую на полированной поверхности круглого стола с изогнутыми ножками. Не будь она столь вымотана, она могла бы посмеяться над абсурдностью хрусталя и изысканной мебели в подобном ме-

сте, в подобное время, когда мир над ними густо покрывала кровь и пепел. Та, которой она когда-то была, повеселилась бы. Но она уже не была тем человеком.

Женщина взгляделась во тьму, словно ожидала увидеть там еще кого-нибудь в поисках убежища.

– Я одна. Больше никого.

На лице женщины отразилось понимание и печаль; она коротко кивнула и расправила плечи.

– Вы ранены, – произнесла женщина. Ее нежная кожа блесла в свете лампы, словно гипс. Протянув ухоженные руки с ярко-красным маникюром, женщина сказала: «Заходите. Скорее. У нас есть врач».

Она затрясла головой.

– Не могу. Я должна идти.

Впервые она ослабила пальцы, державшие саквояж. Поставив его на пол, она подняла ребенка, который сонно пошевелился в ее руках. Прижавшись губами к его мягкому лобу, она глубоко вдохнула, стирая смрад истерзанной ужасом ночи сладким ароматом новой жизни. Она подняла голову, затем передала малыша, пока не передумала и не погубила их всех.

Светлые глаза женщины удивленно распахнулись, а затем наполнились пониманием. Она приняла ребенка, прижала его к груди, а между ними в воздухе повис незадаанный вопрос.

– Я должна вернуться. Он... – Она бесцельно взмахнула

рукой. – Может, еще не поздно... – Отчаяние выплеснулось из ее груди, наполнив горечью рот.

– Но вы не можете уйти. Не сейчас. Там же воздушная атака.

– Я должна. Больше некому. – У нее встал ком в горле. – Я должна попытаться.

Ее взгляд опустился на шевелящийся сверток, но она усилием воли отвела глаза в сторону.

Женщина никак не отреагировала на эту новость, лишь коротко вздохнула. С напускным спокойствием она проговорила:

– Но вы ранены. Вы наверняка можете подождать еще пять минут.

– Нет. – Она тряхнула головой. – Я и так слишком задержалась. – Она шагнула назад в подтверждение своих слов. – Мне кажется, меня уже ищут.

– Тем более вы должны остаться тут. Мы сможем уберечь вас. Мы сможем помочь вам достать необходимые документы.

Она словно бы и не слышала женщину.

– Вы позаботитесь о малыше?

– Конечно, но...

– Хорошо.

Женщина выглядела такой очаровательной, стоя здесь, с отблесками света на стене за спиной и с ребенком в руках. Она сделала все правильно, придя сюда.

– Берегите себя, – проговорила женщина. – Но это не прощание. Мы увидимся снова, когда все это закончится.

– Надеюсь, – произнесла она, позволив себе еще раз бросить взгляд на бледную, словно луна, щечку малыша. Она сделала еще один шаг назад. – Когда все это закончится.

Она повернулась и через вторую дверь вернулась в израненную ночь.

Выйдя через калитку, она поспешила к перекрестку, но затем остановилась, оглядываясь, зная лишь одно – ей нужно продолжать бежать. Она позволила себе всего на секунду закрыть глаза, чтобы в последний раз увидеть личико малыша.

Резкий скорбный вопль разорвал воздух, заставив ее распахнуть глаза. Грудь сковало ударной волной от бомбы, попавшей в здание на противоположной стороне улицы; в воздух, словно надоевшие капризному ребенку игрушки, взлетели кирпичи, осколки стекла и штукатурка. Что-то тяжелое ударило ее в спину между лопаток, швырнув на тротуар. В голове промелькнула шальная мысль, что она никогда не сможет починить свой наряд. Лежа на земле, она наблюдала, как медленно, будто во сне, падали вокруг нее обломки, как опустился на тротуар и погас горящий кусок обоев в цветочек.

Она попыталась встать: боль обожгла, словно лихорадка, отогнав кровоточащие порезы на ладонях и лбу на второй план. Колено правой ноги согнулось не так, как положено. *Нет, нет, нет. Только не сейчас. Только не так.* Сделав глу-

бокий вдох, она поползла обратно к убежищу; угасающий проблеск самосохранения гнал ее вперед, прочь от наступающей на пятки смерти.

В ее глазах плясала тьма, соблазняла, манила ее. Она сопротивлялась: подползла к калитке, дотянулась до щеколды – заставляя себя оставаться в сознании, пока не почувствовала, как та поддалась. Оттолкнувшись локтями, она покатилась вниз по ступенькам. Ее тело с грохотом врезалось в дверь, лицо запрокинулось к небу в молчаливой мольбе. На короткий миг она представила себе, что прогуливается по песку, а в воздухе слышен звук далекого моря. *Дом.* Он был там, как и всегда, вне досягаемости.

Пожалуйста. Слово эхом отдалось в ее голове, но с губ не сорвалось ни звука. Темнота поглотила ее, и небо кричало над нею множеством безответных молитв.

Глава 1

Лондон

май 2019 года

Самолет, вздрогнув, коснулся взлетно-посадочной полосы Хитроу. Привычный дождь серого лондонского утра забрызгал окна, робкое солнце изо всех сил пыталось пробиться сквозь облака. Качнувшись, самолет, наконец, остановился, и утомленные путешествием пассажиры, встав в проходах, принялись вытаскивать сумки из багажных отсеков над головами; звуки «молний» и защелок заполнили ряды, словно это была срежиссированная процедура, сообщающая об окончании путешествия. Я осталась сидеть, перебирая в мыслях свежий сон, воскрешая в памяти образы старой магнолии и больших белых колонн в доме моей тети Кэсси и тех красных цветов, которые она каждый год высаживала вдоль парадных ступенек в память о моей маме.

Вежливое покашливание отвлекло мое внимание к проходу, где очередь пассажиров ожидала, когда я выйду. Я поблагодарила кивком, схватила свой рюкзак из-под сиденья и двинулась на выход, мыслями все еще находясь в том месте, которое я звала домом первые восемнадцать лет своей жизни и которое я называла, когда люди слишком настойчиво спрашивали меня, откуда я родом. Что было глупо вообще-то. Я жила в Нью-Йорке уже семь лет, не была в Джор-

джии последние три года и не собиралась возвращаться туда в ближайшем будущем.

По пути к зоне выдачи багажа я включила мобильный телефон. Он тут же тренькнул, выдав пять сообщений: одно от моего отца; одно – от мачехи, Сьюзан; одно – от сестры Сары Фрэнсис; одно – от тети Кэсси; и самое последнее – от Арабеллы, моей подруги из годичной оксфордской программы обучения за рубежом и причины, по которой я сейчас оказалась в Лондоне.

Разблокировав телефон, я сначала прочитала сообщение Арабеллы и тут же улыбнулась про себя, увидев, что она отслеживала мой полет в приложении на телефоне, знала, что я уже прилетела, и ждала меня на краткосрочной парковке. Я должна была написать ей, когда пройду паспортный контроль, чтобы она могла встретить меня снаружи у Терминала 2. Это типично для Арабеллы – она из тех людей, чьи организаторские способности были одновременно полезными и раздражающими. Несмотря на успешную карьеру редактора мод в британском «Вог», казалось, что ее основная работа – это организация календарей общественных мероприятий и жизней для большого круга друзей.

Я сунула телефон в рюкзак, решив, что остальные сообщения могут подождать, и влилась в толпу людей, проходящих паспортный контроль и таможенный досмотр, а затем, выбравшись наружу, начала писать Арабелле. Едва я успела напечатать первое слово, как услышала резкие гудки клаксо-

на. Подняв глаза, я увидела свою подругу в красном кабриолете «БМВ», перешедшем ей от ее мамы, на котором Арабелла ездила еще в колледже. Несмотря на хмурое небо, верх был опущен, и я сумела разглядеть ее кудрявые волосы, создающие белокурый ореол вокруг ее мальчишечьего лица. Она походила на куклу Барби – образ, который ей нравилось поддерживать хотя бы потому, что он скрывал ее острый ум и сногсшибательный интеллект.

Я бросила удивленный взгляд на огромного зверя на водителском сиденье, пытаюсь переварить увиденное, но вспомнила, что британцы ездят на другой стороне автомобиля и по другой стороне дороги, и поняла, что пес на самом деле сидел не за рулем.

– Мэдди! – закричала моя подруга. Автомобиль со скрипом остановился, одновременно распахнулась дверь. Она подбежала ко мне с совершенно небританским восторгом и заключила меня в объятия.

– Сто лет тебя не видела. – Она еще немного пообнимала меня, затем, сверкая сияющей улыбкой, отстранила меня на длину вытянутых рук. – Все такая же красotka, Мэдди. И все так же носишь те же джинсы и рубашку.

Я отстранилась, ухмыляясь.

– Ты просто завидуешь, что мне по утрам нужно всего пять минут, чтобы собраться.

– О, Мэдди, – проговорила она с чопорным акцентом, который я любила изображать почти так же часто, как и она

– мой южный акцент. – Что же мне с тобой делать? – Она посмотрела мне за спину и нахмурилась, увидев стоящий в одиночестве небольшой чемодан. – А где остальной багаж?

Я с завистью и восторгом окинула взглядом ее спортивный костюм с леопардовым принтом и туфли на шпильках. Я любила трендовую одежду – при условии, что ее носил кто-то другой. Пальцы моих ног заболели из солидарности, когда я оценила высоту каблуков.

– Мой ноут и камера в рюкзаке, а одежда – в чемодане. Не беспокойся. Все джинсы чистые, и я прихватила одно платье. Ты сказала, что это займет не больше двух недель, но я на всякий случай набрала нижнего белья на три.

– Ну, Жанна Дюбо работала моделью у Коко Шанель в Париже. Так что ты быстрее найдешь с ней общий язык, если будешь одеваться так, как будто тебя это заботит.

– А меня и заботит история, и как ее написать в меру своих способностей. А не во что я одета, когда провожу интервью. Кроме того, Жанне Дюбо – девяносто девять. Сомневаюсь, что она обратит на это внимание.

Арабелла открыла багажник, все еще хмурясь.

– Как бы там ни было, не зови ее старой. Это ей не идет. Я знаю ее всю жизнь и, даже когда была ребенком, никогда не считала ее старой. Но она же твоя родственница, так что ты, возможно, уже знаешь это.

– Очень дальняя родственница, и я ее никогда не видела, не забывай. Предки по ее линии переехали в Теннесси

из Джорджии сразу после Гражданской войны, поэтому не скажу, что наши семьи близки. По сути, я бы так никогда и не узнала, что мы родственники, если бы сестра не провела одно из генеалогических исследований и не нашла их. Мисс Дюбо я прихожусь пятиюродной внучкой или вроде того, а это значит, что я уже прощена за то, что называю ее старой, ведь мы не просто семья, но еще и южане. Она скажет «Господь с тобой» и пойдет себе дальше.

Я положила чемодан в крошечный багажник, оставив рюкзак при себе.

– Ну, вообще-то я никогда не слышала, чтобы она говорила «Господь с тобой». Но слышала, как она говорила: «Ты уверена, что хочешь это носить?», чаще, чем хотелось бы. – Арабелла захлопнула багажник. – Ты, наверное, вымоталась. Давай я отвезу тебя к мисс Дюбо, чтобы ты немного вздремнула. Я хотела, чтобы ты остановилась у меня, но мисс Дюбо была непреклонна. У нее большая квартира, и она редко выходит. За ней круглосуточно ухаживают, так что тебе ничего не придется делать, кроме как расспрашивать ее о том, как она работала моделью, и о тех обворожительных старомодных нарядах, которые мы вместе вытащили из кладовой. И там в передней комнате есть очаровательный стол, за которым ты сможешь писать. Выставка в музее пройдет не раньше июля, и мне бы хотелось опубликовать статью одновременно с открытием. Еще не аврал, конечно, но лучше не терять времени. – Она сделала паузу. – Мэдди, мисс Дюбо не в

лучшей форме, так что я подумала, что чем раньше, тем лучше. У меня уже есть название и для выставки, и для статьи, но писатель у нас – ты, так что сможешь поменять их, если тебе они не понравятся. – Она прочистила горло. – «Меха, платья и униформы: меняющаяся роль моды мира в войне».

– Немного громоздко, но что-то в этом есть, – проговорила я, обходя машину. – Я не пойму, пока не поговорю с мисс Дюбо и не начну писать. Но такое ощущение, что у меня будет достаточно покоя и тишины, и никто меня не потревожит, так что смогу все быстро закончить, моргнуть не успеешь. Я уже освободила свое расписание и сдала несколько других проектов раньше, так что никакой спешки не будет.

– Чудесно. Хотя есть еще кое-что... – Она остановилась, улыбнувшись.

– Еще кое-что?

– Ну да... – Она подошла к водительской двери и нырнула внутрь, а я уставилась на большого зверя на пассажирском месте – то ли лошадь, то ли собаку, сказать было сложно, – чей свисающий язык заставил меня держаться на почтительном расстоянии.

– Мне назад сесть? – спросила я поверх темно-коричневой головы.

– О боже, прости. – Она повернулась к этому чудищу. – Давай, Джордж. – Она повернулась и похлопала по кожаной обивке заднего сиденья.

Пес испустил что-то похожее на вздох, поднялся над при-

борной панелью, затем протиснул свою тушу между спинок сидений и уселся на ужасно маленькое заднее сиденье.

– Джордж? – спросила я, забравшись в машину со своим рюкзаком и накинув ремень безопасности.

– В честь принца Джорджа – они вроде бы как одного возраста. Колин решил, что у маленького принца и этого пса одинаковые выражения лиц.

– Колин? – спросила я с неожиданным удивлением, которое вызвало это имя. – Твой двоюродный брат Колин, наш одноклассник? Колин, который все время избегал меня?

– Вообще-то он мне троюродный брат. Его дед Дэвид – муж его бабушки по отцовской линии Софии – и моя бабушка Вайолет были братом и сестрой. – Она избегала моего взгляда, сосредоточившись вместо этого на рычаге коробки передач. – И не тупи, Мэдди. Колин тебя избегал только потому, что ты четко дала ему понять, что не хочешь иметь с ним ничего общего. Вы двое просто... Ну, вы были разные, как небо и земля, но мне кажется, что все проблемы были из-за языка.

– Ха. Как будто это у меня был акцент.

Арабелла искоса глянула на меня.

– Надо признать, он немного разозлился, когда ты уехала из Оксфорда, не попрощавшись с ним. Он думал, что уж прощание-то заслужил.

Я втянула ртом воздух.

– Я ни с кем не попрощалась – дело совершенно не в нем.

Попрощалась только с тобой, потому что ты отвозила меня в аэропорт. Сомневаюсь, что он сейчас помнит это... или меня. Прошло уже семь лет.

– Ну, в общем, он уехал в Девон – в Салькомб, небольшой прибрежный курорт, – на неделю с друзьями и попросил меня присмотреть за Джорджем. А раз уж... – Она остановилась, словно внезапно поняла, что собирается сказать.

– Что «раз уж»?

Арабелла успешно изобразила сосредоточенность, встраиваясь в уличное движение и чуть не чиркнув такси. В целях самосохранения я позволила ей вырлиться из аэропорта, дождалась, когда мы окажемся на шоссе А4, и только тогда повторила:

– Что «раз уж»?

Она помолчала немного, а затем слова безостановочно полились из нее, словно быстрая речь могла помешать мне уловить их смысл.

– Раз уж Колин живет с мисс Дюбо, я решила, что убью одним выстрелом двух зайцев: привезу и тебя, и Джорджа за один раз.

Холодный пот выступил у меня на лбу.

– Извини? Колин живет там? В квартире, где я собираюсь остановиться?

– Да. Они очень близки, он всегда считал мисс Дюбо второй бабушкой. Она постоянно с ним нянчится, он даже зовет ее «бабушкой».

Я не могла представить себе, чтобы Колин со своим каменным выражением лица называл кого-нибудь таким ласковым словом. Я, например, всегда была для него Мэдисон – между нами всегда стояла крепкая кирпичная стена, которую я вряд ли когда-нибудь перелезла бы.

Арабелла продолжила:

– София, бабушка Колина, владела этой квартирой. Когда она умерла, ее унаследовали родители Колина. Но даже при жизни Софии она позволяла мисс Дюбо жить там. Они были большими подругами еще до войны. Дело в том, что мисс Дюбо никогда не была замужем, и детей у нее нет, поэтому она относилась к семье своей лучшей подруги как к собственной. Когда она поехала в больницу в прошлом месяце и врачи сказали ей готовиться к худшему, она попросила Колина переехать к ней, чтобы они могли проводить больше времени вместе и уладить все финансовые вопросы. Это его специальность, так что это вполне разумно.

– Ты сказала, что она не в лучшей форме. Значит, она больна?

– Никакой особенной болезни нет, но ей же девяносто девять. У нее слабое сердце, врачи говорят, что ее тело вот-вот перестанет функционировать. Хотя выглядит она неплохо. Без обследования и не подумаешь.

– Значит, мисс Дюбо, сиделка, Колин и я будем жить в одной квартире. Вместе.

– Точно. И Джордж тоже, не забудь. Это очень большая

квартира, и Колин часто работает сверхурочно, так что вы, возможно, ни разу не пересечетесь.

Она замолчала, словно больше не считала нужным объяснять еще что-то.

– И ты не собиралась упомянуть об этом пораньше? Например, с самого начала, когда я согласилась? Что сказал Колин, когда ты сообщила ему?

Арабелла не отрываясь смотрела перед собой на дорогу и хранила молчание.

– Seriously? Ты не сказала ему, что это буду я?

– Сказала, что внештатный журналист, которого я наняла для интервью с мисс Дюбо, остановится в свободной спальне на пару недель. Он совершенно не возражал.

– Но ты не сказала ему, что это буду я.

Она покачала головой.

– К слову не пришлось.

– А представь, что он не знает, что приедет кто-то знакомый с его университетских времен.

Я закатила глаза, хоть она и не могла меня увидеть.

Она слегка ссутулилась под своим костюмом с леопардовым принтом.

– Просто мисс Дюбо очень настаивала, чтобы ты пожила с ней, и было бы сложновато просить Колина съехать. Всего пара недель – может, чуть больше, если захочешь остаться. Уверена, вы сможете обойтись без конфликтов столько времени.

Я прижалась головой к спинке сиденья и на секунду закрыла глаза.

– Надеюсь, он меня не вспомнит. Я даже не думала о нем ни разу за последние семь лет. – Это была не совсем правда, но я не собиралась говорить об этом Арабелле. Она обладала настолько буйным воображением, что сочиняла истории там, где их не существовало. Я всегда ей говорила, что роль редактора ей не подходит и вместо этого ей нужно писать детективные истории в стиле «ретро».

– Значит, Колин понятия не имеет, что я вот-вот появлюсь у него в дверях?

– Вот сюрприз будет, да? – проговорила она.

Я выразительно покачала головой.

– Нет. Это будет катастрофа. Мне кажется, он недолюбливает американцев. Или, может, южан.

Арабелла рассмеялась.

– Не тупи. Мисс Дюбо – тоже южанка, не забывай, и Колин ее обожает.

Мне не хотелось признавать, что я заинтригована этой долгожительницей-южанкой и тем, что мы с ней состоим в дальнем родстве и встретимся впервые в Лондоне. Мне не хотелось знать, что Колин обожает ее и зовет бабушкой. Мне хотелось повернуть обратно в аэропорт и вернуться в свою стабильную, скупую на события жизнь, которую я себе создала в Нью-Йорке, следуя по стопам тети Кэсси. Несмотря на то, что она работала в рекламном бизнесе, а я была вне-

штатным журналистом, мы обе смахнули со своих туфель красную глину маленького городка в Джорджии, чтобы начать новые жизни в большом городе. Она протянула десять лет, а я имела твердое намерение побить ее рекорд.

Арабелла повернулась ко мне, ухмыляясь.

– Забавно будет.

– Или нет, – предположила я, но мои слова поглотил внезапный порыв ветра, когда Арабелла нажала на педаль газа, и маленькая машина, набрав скорость, с шумом помчала нас по шоссе.

Я закрыла глаза, вдыхая запах собачьего дыхания и шерсти, пока ветер хлестал меня по лицу. Не имело значения, насколько ужасной могла стать поездка до Лондона с моей подругой за рулем; она бледнела в сравнении с реакцией Колина Элиота на мое появление у него в дверях.

Глава 2

Когда мы пересекли городскую черту и из-за плотного уличного движения пришлось сбросить скорость, я ослабила хватку на дверной ручке. Всклопоченные ветром волосы Арабеллы походили на стальную стружку, а Джордж выглядел так, словно его наэлектризовали.

Арабелла протянула руку к большой сумке, стоявшей у моих ног, и вынула оттуда шейный платок «Эрме». Элегантно повязав им волосы, она произнесла:

– Маме Колина, тете Пенелопе, не терпится познакомиться с тобой. Мне кажется, она немного волнуется из-за того, что ты будешь жить с мисс Дюбо, но я заверила ее, что хорошо тебя знаю и что ты порядочная и добрая. Это ее, естественно, успокоило, но рано или поздно нам придется нанести ей визит.

– Конечно, – проговорила я.

Несмотря на то, что видела их лишь издалека, я смутно помнила, что семь лет назад родители Колина показались мне пожилыми – минимум на десять-пятнадцать лет старше родителей моих друзей, с которыми я общалась дома и в колледже. Колин был единственным ребенком, и его мама часто присылала ему посылки с витаминами, шарфами и толстыми носками, как будто он в отсутствие родителей забывал, как о себе заботиться. Я вспомнила, как смеялась, в

первый раз увидев эту большую коробку, как сказала Колину, что была одной из шестерых детей и за обеденным столом в моей семье всегда выживал наиболее приспособленный. Я могла слегка приукрасить историю и рассказать ему, что иногда проливалась кровь и половина из нас теряли зубы в этих стычках.

Это все было неправдой – уж точно не с тем количеством еды, которую моя двоюродная бабушка Люсинда выставляла на стол, – но я редко получала посылки. Я вовсе не винила в этом отца или Сюзан; у них имелось еще пятеро детей, о которых нужно было заботиться. Но глядя на носки и вязаные шарфы Колина, я ощущала возвращение старой горечи, которую я сложила и упаковала, прикрыв толстым слоем отрицания и долгих лет отсутствия. А еще я ощущала злость из-за того, что он мог пренебрегать заботой и любовью своей мамы.

Арабелла снизила скорость и, не включая поворотника, свернула на мощеную дорожку между железными воротами и внушительным многоэтажным зданием из песчаника времен Эдуардов с множеством входов. Очаровательные карнизы окантовывали линию крыши, как глазурь на торте. Высматривая место для парковки, Арабелла пробормотала:

– Обычно Колин занимает парковочное место бабушки, так как у нее нет машины. Но он сказал, что оставит его сегодня мне. – Она побарабанила длинным красным ногтем по рулю. – Нужно только вспомнить, где оно.

Я взяла рюкзак и выглянула наружу.

– Красивое здание.

Арабелла кивнула.

– Его называют Домом Харли, – произнесла она, повернув слишком резко и ударив бордюром. – Его построили в тысяча девятьсот третьем для ирландских слуг, которые работали в больших домах поблизости. – Она переместила машину подальше от бордюра. На тротуаре на безопасном расстоянии от нас остановился мужчина с собакой. – Забавно, да? Через несколько десятилетий он стал домом для многих VIP-персон – вроде киношников, писателей. Кит Ричардс и Мик Джаггер однажды тут жили. И Джоан Коллинз, актриса. – Она ударила по тормозам, остановившись прямо перед черным «Ягуаром», выезжавшим с парковочного места, и мне пришлось прикусить губу. – Теперь он в основном заселен американскими эмигрантами и залетными русскими олигархами. – Она начала сдавать задом на парковочное место вдоль бордюра, едва протискиваясь между двух других машин. Я затаила дыхание, словно это могло помочь подруге. – Я очень надеюсь, что место правильное – не уверена, что смогу повторить такое еще раз.

Удовлетворенная тем, как припарковалась, она заглушила двигатель и повернулась, чтобы потрепать Джорджа за ушами.

– Тетя Прешес раньше жила в этой квартире, в начале тридцатых, до войны – уверена, она тебе расскажет. Мэри-

лебон тогда считался не таким фешенебельным районом, но он всегда имел идеальное расположение – близко к магазинам и ресторанам. И к Риджентс-Парку, естественно.

Арабелла отстегнула ремень безопасности.

– Прешес? – спросила я. – Судя по генеалогическому древу моей сестры, ее зовут Жанна Дюбо.

– Ой, извини, я думала, что уже объяснила. Прешес – прозвище мисс Дюбо. Ее настоящее имя Жанна. Рассказывают, что, когда она родилась, медсестра взглянула на нее и сказала, что она прелестна⁴. С тех пор ее все так и называли. Мне кажется, это довольно мило.

– Для ребенка – да, но я представить себе не могу, что буду называть старую женщину Прешес.

– Ты только не...

– ...Называй ее старой, – закончила я. – Я помню. Просто будет сложно употреблять ее прозвище. Хотя, если подумать, я росла с Милашкой и Вонючкой, так что может быть, это будет не так сложно, как показалось поначалу.

Арабелла искоса взглянула на меня. Достав чемодан из багажника, я проследовала за ней и Джорджем ко второму входу и поднялась по широкому лестничному пролету, ведущему к двум полированным застекленным дверям темного дерева. Они располагались под широкой аркой между двух ионических колонн из крапчатого мрамора. Когда мы подошли ближе, из дверей вышел высокий мужчина.

⁴ Precious (англ.) – прелестная.

Джордж громко взвизгнул и бросился вперед, выдернув поводок из руки Арабеллы и едва не опрокинув мужчину. Лапы легли мужчине на плечи, а огромный язык принялся вылизывать ему лицо. Я захлопала глазами, узнав эти рыжевато-белокурые волосы, которые грозили завиться в кудри, будь они чуть длиннее. И темно-голубые глаза, которые внимательно изучали меня, словно он не мог до конца поверить в то, что видит перед собой. Краткая вспышка удивления быстро сменилась знакомой настороженностью.

– Привет, Колин, – сухо произнесла я. – Давно не виделись.

Когда он не ответил, в разговор вмешалась Арабелла:

– Ты помнишь Мэдди Уорнер, да? Мы вместе учились в Оксфорде.

Настороженность никуда не делась, пока мы рассматривали друг друга. Его глаза казались еще голубее из-за загара, он выглядел по-прежнему худошавым и мускулистым. Я припомнила, что он занимался греблей во время учебы в Оксфорде; похоже, он продолжал это делать. Еще я вспомнила, как он любил собак и «Звездные войны». А еще был ярым приверженцем безопасности и всегда проверял, все ли пристегнули ремни, когда он за рулем. Хотя я никогда не показывала ему, что замечала все это.

– Мэдисон, – коротко проговорил он. – Конечно, я тебя помню. Смутно. Ты любила ледяное пиво, и у тебя был целый словарь необычных фраз, которые никто никогда не

понимал. Ты вбрасывала их, как бомбы, в разговоры. Тебе нравились ребячьи проказы, как, например, насыпать соли в сахарницу. И, видимо, не очень склонна прощаться, поэтому ты этого и не сделала. – Он наклонился, чтобы почесать Джорджа за ушами, и его пристальный взгляд скользнул на Арабеллу. – Полагаю, она и есть журналистка, которая пишет статью о бабушке? – проговорил он тоном, прозвучавшим где-то посередине между притворной вежливостью и диким раздражением.

– Разве не чудесно? Получается что-то вроде мини-встречи школьных друзей. Я хотела сохранить все в секрете, чтобы удивить вас.

Он поднялся, взяв поводок Джорджа.

– Ну хорошо, я удивился. Хотя остается только догадываться, почему ты не позвала ее в то время, пока я был на каникулах. В квартире будет довольнолюдно, ты так не считаешь?

– Не говори глупостей, Колин. Там куча места. И когда я упомянула, что тут остановится журналистка, ты не возражал.

Его взгляд мельком скользнул по мне.

– Ну да, это потому, что я не был полностью осведомлен. Я рад, что решил поработать сегодня утром из дома, так что избежал шока, если бы вернулся домой после тяжелого дня и увидел Мэдисон в моей квартире. – Он протянул мне руку, словно хотел, чтобы я пожалала ее, и произнес:

– Позволишь?

Я смущенно глядела на него, пока Арабелла не вырвала у меня из рук чемодан и не передала его Колину.

– Ему все уши прожужжат, если его мама или тетя узнают, что он позволил тебе нести собственный чемодан, – сказала она.

Прежде чем я смогла что-то возразить, Колин открыл одну из входных дверей и стал ждать, пока мы пройдем мимо него в вестибюль.

В фойе нас встретили высокие потолки, большая бронзовая люстра и недействующий камин, обрамленный темным деревом. Перед нами возник старомодный подъемник – или «лифт», поправила я себя; когда ты в Риме ⁵ и все такое, – за маленьким прямоугольным оконцем наружной двери просматривалась пустая шахта.

Колин нажал кнопку вызова, и мы несколько минут ждали, прислушиваясь к кряхтению и стонам древнего аппарата. Когда лифт, наконец, прибыл, Колин открыл дверь, затем оттянул в стороны черные металлические складные ворота и жестом показал нам входить в отделанную деревянными панелями кабину. К задней стене крепилось обтянутое кожей сиденье. Когда подъемник, трясаясь, ожил, я мысленно понадеялась, что скамейка тут не для того чтобы вздремнуть, пока нас вручную тянут на верхние этажи. Мы двигались, как

⁵ Отсылка к английской пословице *When in Rome, do as the Romans do* («Когда ты в Риме, действуй как римляне»).

улитки сквозь кормовую патоку зимой.

– А почему мы не пошли пешком? – спросила я, вспомнив лестницу в вестибюле: один пролет слева от подъемника вел вверх, второй справа – вниз.

Колин сунул руки в карманы.

– Я думал, что американцы не любят напрягаться физически, и мне показалось, что лучше вызвать лифт.

– Ты же знаешь, что нужно делать, когда кажется, да?

– Прекратите оба! – произнесла Арабелла, встав между нами. – Мне не доставляет удовольствия изображать из себя няньку, так что буду признательна, если станете вести себя как взрослые люди.

Лифт тренькнул, хотя сквозь перекладины ворот было видно, что мы еще не доехали. Мы молча слушали, как древний подъемник старчески скрипел и охал. Лязгнув, он каким-то чудом сумел остановиться на третьем этаже.

– Прекрасно, – проговорила Арабелла в ожидании, пока Колин откроет дверь в середине короткого коридора с черно-белыми квадратами на полу, расположенными в шахматном порядке. Две массивные двери темного дерева с веерообразными витражными стеклами возвышались в обоих концах коридора. Арабелла прошла налево к двери с золоченым номером 64 в центре. – Запомните, – сказала она, повернувшись, чтобы посмотреть на Колина и меня, – ведите себя как следует. – Она нажала кнопку звонка. – Я по-честному предупредила, – добавила она, опуская руку.

Следом за собачьим лаем из-за двери раздался звук приближающихся шагов. Дверь распахнулась, и перед нами возникла симпатичная немолодая брюнетка в очках в черепаховой оправе и с сияющей белозубой улыбкой.

Небольшая пушистая серо-белая собачонка сомнительной родословной и с ушками, похожими на антенны, выбежала из-за ее ног и принялась с серьезным видом обнюхивать наши ноги, а Джордж стал рваться с поводка, повизгивая от радости.

– Оскар, – проворчала женщина, – они не принесли тебе еду.

С почти слышным вздохом собачка успокоилась и уселась у ног женщины.

– Лаура, – приветливо произнес Колин. – И, конечно же, Оскар.

Он присел на корточки и улыбнулся с теплотой, которой сегодня я еще не наблюдала по отношению к себе. Собачка запрыгнула ему на руки, словно они были старыми друзьями. Они улыбнулись друг другу с взаимным обожанием, и мне пришлось признать, что эта картина на самую малую толику улучшила мое мнение о Колине.

– Лаура, я бы хотела познакомить тебя с Мэдисон Уорнер, она журналистка, о которой я тебе рассказывала, – произнесла Арабелла, пройдя вперед, чтобы по-дружески поприветствовать Лауру. – Она приехала, чтобы взять интервью у Прешес.

Лаура кивнула.

– Приятно с тобой познакомиться. Гостевая комната уже готова. Прешес сегодня немного ворчливая, но я знаю, что она ждет не дождется встречи с тобой.

Арабелла махнула рукой.

– Ой, не беспокойся, Мэдди моментом улучшит ее самочувствие. Все любят Мэдди.

Я выбрала именно этот момент, чтобы погладить Оскара, который влюбленно пялился на Колина и лизал ему подбородок. Собака дернула головой и огрызнулась на меня.

– Не принимай на свой счет, – сказала Лаура. – Оскар любит Колина. Он, наверное, думает, что ты пытаешься их разлучить. Она протянула мне ладонь. – Я – Лаура Аллен, сиделка мисс Дюбо, хотя она предпочитает называть меня своим спутником, потому что от слова «сиделка» чувствует себя старой.

Она приветливо улыбнулась, и я подумала, что если бы мне потребовались друзья, то я хотела бы видеть ее среди них. Я пожала протянутую руку.

– Мэдди Уорнер, – сказала я. – Ты американка?

– Боюсь, что да. Такое ощущение, что мы везде. Я приехала, чтобы ухаживать за бабушкой Колина Софией в ее последние годы. Когда она умерла, Пенелопа попросила меня остаться присмотреть за мисс Дюбо. Хотя – сама увидишь – за ней не особенно-то и нужно присматривать, даже учитывая ее недавнюю госпитализацию и ухудшающееся здоровье.

Так что не нужно ее спрашивать, как она себя чувствует.

– Поняла.

Я подавила зевоту, прикрыв рот рукой.

– Ты, должно быть, вымоталась, – проговорила Лаура, взяв меня под руку и проводив в квартиру. – Я как раз собиралась приготовить чай мисс Дюбо. Давай и для тебя тоже.

Мы прошли в большое фойе, в котором господствовал отделанный красным деревом камин – похоже, уже неработающий. Высокие потолки и вычурная лепка заставили меня вспомнить дом в стиле греческого Возрождения, в котором росли моя мама и тетя Кэсси. Тщательно отполированный паркет отражал свет бронзовой люстры, свисающей с потолочного медальона тонкой работы. Мой взгляд привлекло закрытое витражными стеклами углубление в стене, в котором приютился один-единственный стул и стол с дисковым телефоном.

Квартира была, несомненно, роскошная – так я себе и представляла лондонское жилье времен Эдуардов. На поверхностях не виднелось ни пылинки, и если бы я подошла поближе к сияющей бронзовой фурнитуре на дверях и светильникам, то, наверное, увидела бы в них отражение своего уставшего лица и темных кругов под глазами. И все же... Я оборвала поток своих мыслей, задаваясь вопросом, что же заставило меня думать о тех странных днях после смерти мамы, когда день и ночь смешались воедино в окутавший всех нас серый туман.

Да, вот оно. Атмосфера задержанного дыхания, предчувствие, похожее на миг перед тем, как включить свет в темной комнате. И старинная мебель, и телефон, казалось, ждали, что вот-вот что-то случится, кто-то появится. Позвонит. Кто-то войдет во входную дверь после долгого отсутствия.

Я почувствовала неясное напряжение в глазах, удивительно похожее на подступающие слезы. Но тут же вспомнила, насколько измотана и как от усталости мое воображение начинает скакать как табун диких лошадей – мама когда-то рассказывала мне, что, когда я была маленькой, ей из-за этого приходилось лежать со мной, пока я не усну.

– Ты в порядке? – спросил Колин, удивив меня прозвучавшим в его голосе искренним беспокойством.

– Просто акклиматизация. Мне действительно требуется кофеин. Или прилечь, как предложила Арабелла.

– В новом часовом поясе лучше оставаться на ногах до конца дня, – сказала Лаура. – Прешес так не терпит тебя увидеть. Уверена, ты оживешь, как только мы вольем в тебя немного кофеина. – Она указала в угол фойе. – Можешь оставить чемодан прямо там – Колин позже перенесет его к тебе в комнату, – и пойдем за мной.

Лаура отвела нас и собак в светлую кухню с высокими окнами, черно-белым плиточным полом и прелестным дубовым столом на козлах посередине комнаты. Холодильник, едва ли больше холодильничков в общежитиях, стоял рядом с раковиной, а в углу аккуратно приютились две синие под-

стилки для собак: большая и маленькая.

– Всем чай? – спросила Лаура, наполняя чайник. Она, должно быть, заметила разочарование у меня в глазах. – У меня есть холодный чай для мисс Дюбо, если тебе он больше нравится, Мэдди.

Я почувствовала себя так, словно меня обняли.

– С удовольствием. Он сладкий?

– О да, – произнесла Лаура, утвердительно кивнув. – Я всегда кладу две чайные ложки сахара в холодный чай мисс Дюбо, чтобы он был достаточно сладким, но можешь сама себе насыпать.

– Я... – Я замолчала, не желая показаться грубой. Ни один уроженец Юга не станет подслащивать чай, кидая сахар в стакан с холодным чаем. По правилу чай нужно было заваривать с сахаром. Я знала, что с возрастом вкус слабеет, и именно поэтому Прешес не возмущалась и не требовала сделать все по правилам. Или ее южные корни сделали ее слишком вежливой, чтобы сказать что-то, способное оскорбить чувства Лауры. Именно по этой причине я улыбнулась и сказала: – Да, прекрасно... спасибо.

Болтая с Арабеллой и Колином, она добавила заварки в разрисованный розами чайник и налила кипятка. И Колин, и Арабелла кивнули, когда она выставила перед собой небольшой кувшин, а затем налила довольно много молока в две пустые чашки. Ожидая, пока настоится чай, она достала из холодильника холодный чай.

– Лимон? – спросила она.

– Конечно, – ответила я, размышляя, как же выпью целый стакан обычного чая с плавающими кристалликами нерастворенного сахара.

– Идемте? – спросила Лаура, ставя тарелку печенья «МакВитиз» на поднос рядом с нашими разнообразными чашками и стаканами. – Хорошо, что ты здесь, Колин. Твое присутствие всегда поднимает настроение Прешес. Ты так много работаешь, что для нее праздник, когда она видится с тобой днем.

Колин поднял поднос.

– Она в своей гостиной?

– Да. Я открою дверь.

Лаура раздала собакам угощения и оставила их на кухне. Мы двинулись за ней через створчатую дверь, ведущую из фойе в длинный коридор с дверями по обеим сторонам. Стены коридора оказались увешанными фотографиями в рамках. Я задержалась у одной, которая была больше других: черно-белый снимок фото с автомобилем, по всей видимости, тридцатых или сороковых годов с правым рулем. Элегантный стройный мужчина в смокинге и с зализанными назад темными волосами стоял возле задней двери машины, из которой выходила женщина в вечернем платье. Сосредоточившись на даме, он отвернулся от фотографа, тем самым скрыв свое лицо. Он протягивал ей руку; на ее длинном, стройном запястье не виднелось ни единого украшения. Од-

на изящная ножка в туфельке на высоком каблуке высывалась из автомобиля, можно было разглядеть лишь тонкую лодыжку и бледное лицо над тяжелым меховым воротником. Но что это было за лицо! Меня покорила не его красота. Моя мачеха, Сюзан, была профессиональным фотографом. Она учила меня, что делать фотографии так, чтобы большинство людей захотели посмотреть на них, не вдумываясь, несложно. Секрет профессионализма заключен в том, чтобы найти спрятанное под очевидной красотой и вычислить, что же именно притягивает взгляд зрителя.

Блестящие волосы и светлые глаза лучились энергией; постановка плеч и груди показывала уверенность, которой я обычно не замечала у столь молодых женщин. Но заставило меня остановиться и подойти ближе именно выражение ее лица. Рот был приоткрыт, словно она что-то говорила, и я непроизвольно подалась вперед, будто хотела расслышать ее слова. Приглядевшись к ее глазам, я подумала, что все же смогла расслышать: *Помогите*.

– Мэдди? Ты идешь? – обернулась Арабелла.

– Извини. Загляделась на фотографии.

Прежде чем отвернуться, я отметила изящную сумочку в форме коробки в правой руке женщины и бледность пальцев на фоне темной ткани.

– У тебя еще будет время полюбоваться ими. Ты видела дедушку и бабушку Колина на их свадьбе? Это происходило перед войной, его дед был в армейской форме, хотя, я уве-

рена, он не служил. Но выглядел он довольно стильно. Колин, помнишь, как мы раньше играли в переодевания, и ты щеголял в этой самой форме?

– Хватит, Белла.

Колин обернулся и пристально посмотрел на свою двоюродную сестру.

Я двинулась за ними по коридору – мимо большой фотографии в золотой овальной рамке с невестой в белом и женихом в мундире. Они казались совершенными в своей красоте и невинности и выглядели такими молодыми и преисполненными надежд, что на них было почти больно смотреть. Жених держал головной убор в руке, демонстрируя густые темные волосы. Он склонился к своей невесте, словно не мог находиться вдали от нее. Ее маленькая кисть покоилась на сгибе его руки, прижатой к ее боку.

Я поспешила за Арабеллой.

– Он пережил войну?

И тут же пожалела, что спросила; если он не пережил, я не хотела слышать об этом.

– Дэвид? Ой, да. Слава Богу. У него и Софии был единственный ребенок, Джеймс – отец Колина, но все говорят, что они прожили долгую и счастливую жизнь.

– Это радует. – Моя радость выглядела чрезмерной, учитывая, что я никого из них не знала. И все же одна из причин моей любви к старым фото – истории, незримо присутствующие за ними.

Арабелла вошла вслед за Колином и придержала дверь для меня. Зайдя в комнату, я остановилась, моргая и стараюсь привыкнуть к сумраку. Казалось, все было окутано темно-персиковым цветом, от шелковых обоев до тяжелых штор на высоких окнах. Даже толстый ковер был тех же мягких тонов, напомнивших мне дом моей младшей сестры Барби.

– Прешес говорит, что эти оттенки больше идут к цвету ее лица.

– Я, знаешь ли, прекрасно тебя слышу. – От тахты с мягкой обивкой под большим эркерным окном раздался мягкий голос с южным акцентом. Слова сочились, словно тающее масло; от знакомого акцента екнуло сердце и нахлынула тоска по дому.

Лаура распахнула шторы, открыв перила небольшого балкончика за застекленными дверями и осветив открытый проем в смежную спальню за тахтой. Колин поставил поднос на небольшой столик, а Лаура удалилась.

Я постаралась не пялиться на женщину на тахте, но затем решила, что она привыкла быть центром притяжения любой комнаты. Она была одета в длинный шелковый халат персикового цвета с покачивающимися перьями у шеи; на изящных скрещенных ступнях – персиковые атласные туфли с небольшими каблучками. Густые белокурые волосы идеальными волнами покоились на ее плечах, заставив меня задуматься, носит ли она парик, как моя тетья Люсинда, которая каждую ночь надевала свой на пластиковую голову, стоящую

на комодe, или нет.

У нее были такие высокие скулы, как и у женщины на фотографии в коридоре, тот же аристократический нос и челюсть, хотя линии ее лица казались словно сглаженными шпателем. Еще она была худее, словно отдавала долг каждому прожитому году излишней кожей и тканями, превращаясь в женщину, которая на первый взгляд казалась изнуренной.

Или нет. Быть может, если бы я увидела ее с закрытыми веками, я бы в это поверила. Но ее светло-голубые глаза не выглядели глазами старухи, приближающейся к смерти. Они были как у кошки, взгромоздившейся на карниз и решающей: то ли подойти к незнакомцу, то ли раствориться в воздухе.

– Доброе утро, тетя Прешес, – произнесла Арабелла, наклонившись, чтобы поцеловать старую женщину в левую щеку.

Это определенно была та женщина, которая выбиралась из автомобиля на фотографии. Даже в ее годы черты лица и осанка, удлинённые конечности и изысканной лепки шея, почти безупречная белоснежная кожа все еще делали ее красивой женщиной. Я вспомнила книгу, которую читала на уроке литературы в старших классах, – о мужчине, который продал свою душу дьяволу, чтобы оставаться вечно молодым. Я всегда знала, что такого не бывает. Но сейчас, глядя в эти глаза, я почти поверила, что это возможно.

– Привет, бабушка!

Колин наклонился поцеловать подставленную щеку, и когда он выпрямился, Прешес взяла его за руку и крепко сжала.

– Сядь со мной, – проговорила она. – Чтобы я могла лучше тебя разглядеть.

– Конечно, – ответил он. – Но позволь мне сначала представить тебе журналистку, которая будет брать у тебя интервью для статьи в «Вог».

– Я – Мэдисон Уорнер, – сказала я. – Друзья зовут меня Мэдди.

Я протянула руку, и она отпустила ладонь Колина, чтобы подать мне кончики пальцев, как в моих представлениях делала королева на встречах.

Прешес внимательно изучала меня. Интересно, она не носила очков из тщеславия или потому, что в них нет необходимости?

– Очень приятно, – протянула она, растягивая голосом слоги там, где этого не требовалось.

Я хотела выпустить ее руку, но она все смотрела на меня.

– Арабелла говорит, что мы родственники.

Она не предложила мне сесть, а Колин не сел бы, пока я и Арабелла не сделали этого, поэтому мы продолжали смущенно стоять.

– Да, родственники. Мы с Арабеллой случайно узнали об этом, когда учились в Оксфорде. Моя сестра прислала мне копию нашего генеалогического древа, а Арабелла увидела

его и узнала ваше имя. Так я и выяснила, что вы были моделью до и после войны.

Она продолжала пристально изучать меня, и мне пришлось сдержаться, чтобы не заерзать на месте. Стоя так близко, я могла разглядеть пепельную бледность ее лица под макияжем, почувствовать хрупкие, как у птиц, косточки ее кисти. Это слишком сильно напоминало мне о маме, и мне захотелось отдернуть руку. Но она продолжала крепко держать ее, а глаза продолжали изучать мое лицо.

Наконец она отпустила мою руку.

– Я очень хорошо вижу людей, и, если бы меня спросили, я бы сказала, что у тебя самой есть что рассказать. Я это вижу в твоих глазах. – Прешес не стала дожидаться ответа. – Я передумала. Мэдди, сядь, пожалуйста, рядом. Колин, почему бы вам с Арабеллой не попить чай в гостиной, пока я познакомлюсь с Мэдди поближе?

Она не стала утруждать себя интонацией в конце предложения – это был не вопрос.

– Конечно, – весело произнесла Арабелла. – Мне все равно пора возвращаться на работу. Телефон уже дымится от сообщений. – Она наклонилась и чмокнула Прешес в щеку. Колин переставил стаканы с холодным чаем на стол, а затем взял поднос. Бросив мимолетный взгляд в моем направлении, он вышел из комнаты вслед за Арабеллой.

Внезапно я почувствовала себя так, словно меня выбросили из лодки без спасательного круга. Я задела столик, ко-

гда просовывала ноги под него, а когда задела еще и тахту, вовсе ощутила себя Алисой в Стране чудес. Интересно, как бы Колин с этим справился.

– Я рада, что ты приехала сюда, чтобы написать об одежде, а не обо мне. Не люблю говорить о своем прошлом, – произнесла Прешес без предисловий. Она потянулась слегка дрожащей рукой за стаканом с холодным чаем. Каким-то образом я поняла, что от помощи лучше воздержаться. – Хотя, наверное, дело во времени. Все говорят мне, что я умираю, поэтому я решила, что лучше прислушаться и рассказать свою историю кому-нибудь, пока не стало слишком поздно. Может, я просто ждала подходящего человека, которому я бы поведала ее.

Она наклонилась ко мне и пристально посмотрела на меня.

– Я действительно вижу семейное сходство. – Она скорее выдыхала слова, чем произносила, в ее голосе ощущалась тоска. Словно бы она желала, чтобы ее слова оказались правдой. Прешес откинулась назад. – Наверное, поэтому Арабелла и решила, что мы могли бы поладить, как бисквит и сироп.

Я смотрела, как она поднесла стакан к губам и сделала маленький глоток. Я подняла свой стакан и сделала то же самое, стараясь не сморщиться от пресного вкуса и не проглотить комочек нерастворенного сахара. Мы встретились взглядами в молчаливом понимании. Прешес смотрела в свой стакан на комочки сахара, плавающие по поверхности, словно

маленькие айсберги.

– Бедная Лаура, она так любезна, что делает мне сладкий чай, но у меня не хватает духу сказать ей, что она делает его неправильно.

Поморщившись, она вернула стакан на стол. В ее глазах читалось облегчение: то ли из-за того, что смогла сделать глоток, то ли потому, что не уронила стакан.

– Ты должна кое-что обо мне знать – я очень хорошо подмечаю разные мелочи в людях. Почему Колин назвал тебя Мэдисон, если твои друзья называют тебя Мэдди?

Я собралась было уклониться от правдивого ответа, но помнила, что от ее острого взгляда ничто не скроется. Если я хотела от нее откровенности и открытости, мне следовало поступать так же.

– Потому что на самом деле мы не друзья.

Она приподняла свою изящную бровь.

– И почему же?

Я снова ощутила на себе ее пронизательный взгляд, способный разглядеть правду за моей улыбкой. Я сделала глубокий вдох.

– Потому что я встречалась с некоторыми из его друзей.

Она нахмурилась.

– А Колин ни разу тебя не приглашал на свидание?

– Если честно, приглашал. Мы даже однажды ходили с ним на свидание.

Она промолчала, но продолжила смотреть на меня так,

словно ждала от меня большего. Я вздохнула, решив остаться искренней.

– Мы отлично провели время. Именно тогда я поняла, что Колин из тех парней, которых девушка может по-настоящему полюбить. Надолго. Поэтому я больше не ходила с ним на свидания, хоть он и просил. И не раз. А с его друзьями я не боялась появления чего-то постоянного.

Несколько секунд она не произносила ни слова – полагаю, переваривала мой ответ.

– А сейчас? – спросила она. – Ты все еще встречаешься с непостоянными мужчинами?

Я встретилась с ней взглядом.

– Да.

– В мое время было одно слово для девушек вроде тебя.

Я сглотнула ком в горле.

– Ну, если вас это смущает, то, уверена, Арабелла сможет найти другого журналиста.

Я стала подниматься с маленькой тахты и снова задела столик – на этот раз так, что пролила немного чая.

– Подожди, – проговорила она с напором, удивившим нас обеих. – Не уходи. Я – последний человек в мире, кто имеет право осуждать тебя.

Я остановилась и взглянула на нее, стараясь расшифровать эмоции, промелькнувшие на ее лице.

– Ты когда-нибудь теряла человека, которого любила? – спросила Прешес, и я поняла, что она говорит не о людях, в

которых я ошиблась или которых оставила в прошлом. А еще задалась вопросом, не одна ли это из тех мелочей, которые она обычно подмечает?

– Да, – проговорила я. – Много лет назад.

Она кивнула.

– Тот, кто утверждает, что время лечит, – лжец. Горе – как призрак, не правда ли? Всегда следует за нами.

У меня защипало глаза.

– Извините, – произнесла я еще раз и встала, придерживая столик. – Я пойду. Было приятно с вами познакомиться.

– До свидания, Мэдди. Будь любезна, захвати чай и скажи всем, что я немного отдохну. Мы снова поговорим завтра после обеда. Тогда мы сможем поговорить об одежде. И как она изменила мой мир.

– Но...

Я остановилась. Прешес закрыла глаза, и, несмотря на то, что она не могла, пожалуй, так быстро заснуть, мне стало ясно, что с разговорами закончено.

Поняв, что освободилась, я подошла к двери, затем обернулась и снова взглянула на нее, восхищаясь прекрасными чертами ее лица и изумляясь историям, которые, я знала, прятались за этими закрытыми глазами. *Горе – как призрак.*

Да, там было множество историй. И я надеялась, что у меня будет время услышать их все.

– До завтра, мисс Дюбо, – сказала я ее неподвижной фигуре, а затем тихо закрыла за собой дверь.

Глава 3

Лондон

февраль 1939 года

Засвистел чайник, и Этель Молтби бросила по ложке концентрированного бульона «Боврил» в две чашки. Балансируя с чашками в руках, она старалась двигаться грациозно, не проливая ни капли, ставя одну ногу прямо перед второй, с ритмической точностью диктора «Би-би-си» по радио. Она почти не обращала внимания на то, что говорил этот человек, прислушиваясь к тому, как он говорил и насколько отчетливо он проговаривал слова.

Именно ради совершенствования произношения она со своей соседкой по комнате Прешес Дюбо раскошелилась на дневной сеанс кинофильма, который они уже смотрели в прошлое воскресенье, – «Леди исчезает». Тембр Маргарет Локвуд – вот к чему стремилась и чему обучалась Этель с тех самых пор, как она, двенадцатилетняя девочка, внезапно поняла, что йоркширский акцент всегда будет возвращать ее в мир стирки и штопки ее матери.

Этель аккуратно поставила чашки на небольшой стол возле кухонной плиты, который они использовали, чтобы есть, складывать почту и наносить макияж. Прешес громко чихнула, и Этель бросила на свою подругу встревоженный взгляд.

– Вот. Сейчас я уложу тебя в постель, положу на грудь горячий компресс и приготовлю тебе куриный бульон. Но сначала сбегаю в аптеку, куплю порошок «Сефоз». Поднимет на ноги в мгновение ока – так говорят в рекламе.

Прешес чихнула, пристально глядя на свой «Боврил».

– Эх, если бы это был сладкий холодный чай, мне бы стало гораздо лучше. Но никто во всей этой стране, похоже, не знает, как его правильно готовить. Как только выздоровлю, научу тебя, чтобы хотя бы один человек знал.

– Жду не дождусь, – произнесла Этель. – А теперь, будь добра, выпей свой «Боврил» и тут же будешь в полном здравии.

Достав фланелевое покрывало и уложив Прешес в постель, Этель закрепила булавкой на голове шляпу. Застегивая пуговицы добротного шерстяного пальто, она бросила взгляд на свисающую с вешалки небольшую дамскую сумочку в форме коробки. Золототканые листья прорастали на темно-зеленом бархате, сверху крепилась такая же золотая веревочная ручка. У нее чесались руки потрогать сумочку, и вот она уже держала ее в руках и поглаживала мягкую ткань. Она постоянно касалась приятных на ощупь тканей в Доме Луштак, куда они с Прешес только что устроились в качестве моделей, но никогда не встречала сумочек, ни отделанных бархатом, ни в форме коробки. И уж, конечно же, она никогда не встречала чего-то столь изысканного в их квартире.

– Откуда она? – спросила Этель, повернувшись с сумоч-

кой в руках, не в силах скрыть обвинительных ноток в голосе и перестать поглаживать мягкий бархат.

– Правда же, прелестная? Мадам Луштак повторила дизайн сумочки Эльзы Скиапарелли с показа прошлого сезона. Я не смогла удержаться. Заплатила за нее пять шиллингов, но если бы мы пользовались ей вместе, то вышло бы вдвое дешевле.

Прешес с надеждой посмотрела на Этель.

«Пять шиллингов!» – едва не вскрикнула Этель. Она не раскрыла рта, но ее пальцы никак не могли прекратить поглаживать мягкий бархат. Она представила себе, насколько нарядной будет выглядеть на улице, когда побежит в аптеку с этой прекрасной сумочкой, висящей на сгибе локтя.

– Ну, думаю, если ты так на это смотришь... – Она улыбнулась Прешес, приподняла подушки на кровати, не выпуская бархата из рук. Даже с красным носом и потускневшими глазами Прешес была прекрасна. Ее длинные золотые волосы – лишь самую малость светлее волос Этель – ниспадали на плечи, отражая свет прикроватной лампы; ее глаза, пусть влажные и воспаленные, были невероятного светло-голубого оттенка и казались бы ангельскими, если бы не находились на резко очерченном, точеном лице Прешес Дюбо.

– Ну, тогда я пошла.

Этель сбежала по трем лестничным пролетам, вдыхая запах вареной капусты и сосисок, перемешанный с другими кухонными ароматами, витающими, словно вонючий туман,

по коридорам и лестницам их подъезда. У нее появилась привычка задерживать дыхание, сбегая на нижний этаж, чтобы не впитывать запахи рабочего класса. Она понимала, что профессия «бельевой прищепки» – как мадам Луштак называла своих моделей – в суждении большинства людей казалась весьма далекой от порядочности, но ей это представлялось гораздо благородней, чем стирать чужое белье. А если она продолжит заниматься речью и манерами, то когда-нибудь это изменит все к лучшему.

Она выскочила на улицу и сделала глубокий вдох. Несмотря на то, что было холоднее обычного, солнце отважно пробивалось сквозь нерешительные серые облака, а ледяной ветер удерживал гадкий туман на расстоянии. Пройдя четыре квартала, Этель остановилась, подождала, когда проедет красный автобус и два черных кеба, а затем перешла на главную улицу. Она вдруг поняла, что держит руку согнутой в локте, чтобы прекрасная дамская сумочка раскачивалась у нее на запястье во время движения, а золототканые листья отражали слабый солнечный свет. Ей хотелось верить в то, что все смотрят на нее – подняв голову и расправив плечи, она целеустремленно шла вперед, делая вид, что весь остальной ее наряд соответствует экстравагантности сумочки. Несмотря на свои поношенные – хоть и начищенные – туфли и вышедшее из моды пальто, она воображала, что могла бы быть Бетт Дэвис из кинофильма «Опасная».

Этель набрала все необходимое, затем аккуратно положи-

ла сумочку на прилавок и отсчитала монеты. Когда она брала протянутый пакет, аптекарь, пожилой мужчина, чья лысая голова была столь же круглой, как и его живот, произнес:

– Вам стоит поторопиться, мисс. Вот-вот польет как из ведра.

Этель бросила взгляд через витрину, с удивлением обнаружив, что солнце скрылось за темной дождевой тучей. Она забыла захватить зонтик и теперь – хоть ее шляпка и пальто могли выдержать промокание – она волновалась за сумочку.

– Благодарю вас, – пробормотала она, хватая покупки, а затем выскочила, не оглядываясь, на тротуар, с единственным желанием – обогнать дождь. Нагнув голову от летящих первых брызг, она краем глаза заметила, что рядом распахнулась еще одна дверь.

Она столкнулась с чем-то массивным и теплым, благоухающим добротной шерстью и сандаловым деревом. Две крепкие руки схватили ее за предплечья.

– Прошу меня простить, мисс. С вами все в порядке?

Глубокий голос бесспорно принадлежал мужчине и продемонстрировал манеру говорить, которую Люсиль, швея из мастерской Луштак, живущая на востоке Лондона ⁶, назвала бы акцентом франта. Этель припомнила, что однажды подслушала беседу двух моделей о том, что социальный статус человека понятен с первых произнесенных им слов. Очевидно, что кем бы ни был этот мужчина, он гораздо выше ее по

⁶ Рабочий район Лондона.

статусу.

Этель затрясла головой.

– Это моя вина, мне следовало смотреть, куда иду, но я боялась, что намочу свою сумочку.

Она осеклась, когда подняла взгляд и увидела мужчину, в которого врезалась. С очень загорелого лица из-под песочного цвета бровей на нее смотрели пронзительные зеленые глаза. Россыпь веснушек, украшавших переносицу и высокие скулы, придавали лицу очарования, а не ребячества. Его лицо было из тех, которые девушки запомнят; из тех, что заставляют верить в любовь с первого взгляда.

Этель снова взглянула ему в глаза; в них сверкнул огонек, похожий на насмешку, заставив ее думать, что он насмехается над ней. Из-за ее произношения? Понял ли он, что она еще отрабатывает правильное произношение и произнесла слово невнятно? Застыдившись, она попыталась вырваться, но почувствовала, что он сжал ее руки еще крепче и потянул ее к сводчатому входу в какое-то здание, прочь от внезапного ливня.

– Вашу сумочку? – спросил он; его благородной лепки губы изогнулись в улыбке, когда он взглянул на ее запястье. С рукава пальто свисали лишь ручки новой сумочки Прешес.

– О нет! Я ее потеряла! Я, должно быть, уронила ее в аптеке...

Она побежала было под дождь, но он удержал ее.

– Оставайтесь здесь, – произнес он. – Я заберу ее, если она

в аптеке, и посмотрю вокруг, если она на тротуаре.

Прежде чем она смогла возразить, он натянул свою фетровую шляпу поглубже и выскочил под ливень. Этель отодвинулась назад; дождь, молотящий по тротуару, забрызгал ей чулки и туфли. Она представила, как ее волосы пошли кольцами от влаги, и почти испугалась, что незнакомец вернется и увидит ее в таком виде.

В этот момент он появился, прикрывая руками у груди что-то белое. Нырнув к ней под арку, он выставил предмет перед собой, и она узнала квадратную форму сумочки, завернутую в белый льняной носовой платок.

Она вздохнула с облегчением.

– Благодарю вас, сэр. Могу я вас?..

Она остановилась, чувствуя себя глупо. Она видела качественный пошив его пальто, дорогую обувь. Ему не нужен был шиллинг от нее.

Его губы изогнулись, словно он хотел улыбнуться.

– Для меня честь помочь прекрасной леди, оказавшейся в беде. Но если вы желаете отплатить мне, могу я попросить вас кое о чем?

Опасаясь того, что он может предложить, Этель лишь кивнула.

– Я разыскиваю Приходскую церковь Сейнт-Мэрилебон – старую, а не то огромное здание на Мэрилебон-Роуд. По-моему, оно когда-то использовалось в качестве церковного прихода, после того как было освящено новое здание.

– Так вы священник? – Слова сорвались с ее губ, прежде чем она смогла сдержать их или, по крайней мере, проверить их на предмет грубости. Она крепко сжала губы пальцами, будто наказывая их. Словно и не было всех этих часов, потраченных на просмотр кинофильмов и прослушивание Би-би-си.

Глаза мужчины блеснули, когда он улыбнулся. Его зубы выглядели ослепительно-белыми на загорелом лице.

– Нет, если честно, не священник, хотя не сомневаюсь, что моя мать пожелала бы для своего сына такой род деятельности взамен выбранного мной. Увы, я всего-навсего восхищаюсь архитектурой старых церквей. А поскольку мне выпала возможность оказаться в этом уголке Лондона, я решил, что мог бы ознакомиться с ней.

Этель покраснела; она обнаружила, что не может смотреть на него. Конечно же, он не был священнослужителем. Она могла бы это понять, стоило лишь увидеть его туфли.

– Вам сюда, – торопливо проговорила она, отведя взгляд и указывая нужное направление. – Как увидите заднюю сторону новой церкви, значит, вы пришли.

Спрятав сумочку под пальто, она вышла под дождь и побежала, не обращая внимания на сырость и желая одного – оставить в прошлом этого мужчину и свое унижение. Сбежать от уверенности, что ее мать была права, говоря, что Этель не сможет достичь большего, чем ей уготовано жизнью, для которой она была рождена.

– Я даже не знаю вашего имени, чтобы отблагодарить вас должным образом, – воскликнул он за ее спиной.

Этель заколебалась, а затем остановилась. Он хотел узнать ее имя. Конечно же, она не могла ему назвать его. Уж точно не имя, достойное какой-нибудь деревенской прачки. Она его никогда больше не увидит, но ей хотелось, чтобы у него в памяти остался кто-то с именем, уместным в тех кругах, в которых он, несомненно, вращается.

Она обернулась.

– Ева.

– Ева, – проговорил он, и это единственное слово в его устах звучало прекрасно. – Где я смогу увидеть вас, Ева?

Он шагнул к ней.

Она сделала вид, что не услышала его, и побежала, не останавливаясь до тех пор, пока не ворвалась в квартиру, заливая водой паркетный пол, которым так гордилась их домовладелица. Она бросила взгляд в угол: Прешес спала, повернувшись на бок спиной к двери. Только тогда она поняла, что платок мужчины до сих пор оборачивал сумочку. Отогнув уголок, она увидела вышитые темно-синими нитками инициалы «ГНС».

– Этель? Это ты? – пробормотала, не поворачиваясь, Прешес.

– Нет.

Она прикусила губу, чувствуя себя одновременно глупо и взволнованно.

– Это я... но теперь я хочу зваться Евой. Это звучит более благородно, чем Этель, как считаешь?

Сев на кровати, Прешес улыбнулась, ее глаза засияли.

– Да. Я в голове представляю себе совершенно другого человека, когда слышу «Ева». Как голливудская звезда. «Ева» может быть твоим псевдонимом, как «Прешес» у меня. У нас с тобой появится еще что-то общее. Разве что Ева – более особенное имя, ведь ты дала его себе сама.

– Ты так думаешь?

Прешес воодушевленно кивнула.

– Конечно. Ты перевоплощаешься, и поэтому вполне можешь взять себе новое имя. – Она высморкалась в салфетку, ее глаза тут же посерьезнели. – А твои родители не против? Это же они назвали тебя Этель.

Этель мало рассказывала подруге о своем прошлом – лишь то, что она жила на севере Англии с матерью, которая содержала их обеих, обстирывая богатые дома и работая швеей у состоятельных людей. Она сказала Прешес по секрету, что посылает матери деньги с каждой зарплаты, но так и не призналась, что не вкладывает туда письма, потому что ее мать не может ни читать, ни писать.

А еще она не упоминала о своем отце или его огромных кулачищах, или о том, как его отправили в тюрьму за то, что он чуть не до смерти избил человека в пьяной драке в баре, когда этот человек обвинил его в шулерстве. Она никогда не рассказывала Прешес о разбитом лице или сломанных паль-

цах своей матери, или о том, как они переезжали несколько раз просто на случай, если ее отец когда-нибудь выберется из тюрьмы и решится их разыскать.

Этель знала, что Прешес поймет ее, возможно даже, обнимет, чтобы показать это. Этель не рассказывала ничего подруге потому, что в ее сердце горел, словно живой, горячий стыд. В своей новой жизни в качестве лондонской модели она привыкла игнорировать его, как человек, который прикрывает маленькой заслонкой бушующий в печи огонь. Он никуда не делся, но пока она не смотрела на него, она могла жить своей жизнью, словно Этель Молтби вовсе никогда не существовала.

– Нет. Не думаю, что они против, – проговорила она, откалывая от волос вымокшую шляпку. – Пойду поставлю чайник, а потом займусь куриным супом для тебя.

Она сняла пальто, чуть не уронив сумочку, а потом поднесла платок мужчины к носу. Слабый аромат сандалового дерева навеял мысли о веснушках и глубокой ямочке на подбородке. О смеющихся глазах цвета полей, окружающих ее дом.

– Я встретила одного джентльмена на главной улице.

Не дождавшись ответа подруги, Этель повернулась к кровати и без особого удивления обнаружила, что Прешес снова заснула, прижавшись щекой к подушке.

Аккуратно свернув платок, Этель положила его в комод, на самый верх, чтобы видеть каждый раз, выдвигая ящик.

Платок станет ее талисманом, напоминанием о дне, когда Этель Молтби перевоплотилась в загадочную женщину по имени Ева. И о мужчине, который спросил ее имя и заставил поверить в то, что мать могла ошибаться, что мир полон возможностей, которые она только-только начала рисовать в своем воображении.

Глава 4

Лондон

Май 2019 года

Я стояла возле телефона в небольшом алькове у входа в фойе. Сверкающие жемчужины солнечного света просачивались сквозь витражные стекла распашных окон и усеивали стены и пол, навевая мысли о призраках.

Горе – как призрак. Я представила себе годы призраков, заточенных в каждой пылинке и лучике света в старой квартире, ждущих, когда кто-нибудь освободит их. Изучая серый лист на стекле, я начинала видеть свое задание совершенно по-новому.

Я должна была взять интервью у девяностодевятилетней бывшей модели и написать статью о том, как повлияла Вторая мировая война на современную моду. Эта идея казалась очень понятной, и у меня было время, поэтому я согласилась. Арабелла планировала опубликовать мою статью в журнале параллельно с выставкой моды сороковых в Музее дизайна, для которой большую часть одежды предоставила Прешес. Все выглядело довольно обычным.

А затем я познакомилась с Прешес Дюбо и поняла, что задание оказалось не таким уж однозначным, как я представляла себе изначально.

Горе – как призрак. Быть может, Прешес Дюбо ждала все

эти годы, чтобы выпустить некоторых из них.

Я зевнула, ощущая себя совершенно разбитой. Я так и не смогла заснуть после пяти часов – полночи по нью-йоркскому времени, – и не только из-за разницы во времени. Мой телефон тренькал с пяти часов из-за входящих сообщений от Нокси, в которых она просила меня позвонить ей. Я подозревала, что это все из-за секции таксидермии мелких грызунов, куда я записала сестру в качестве подарка на день рождения, и поэтому не торопилась перезванивать, даже если она просто хотела поболтать. Моя семья и Уолтон, штат Джорджия, казались такими далекими, словно фильм, который я смотрела и любила многие годы назад, а теперь он уже не имел значения. Именно так я хотела его воспринимать и именно поэтому я теперь жила в Нью-Йорке.

Глядя в телефон, я двинулась на кухню, испытывая острую необходимость в кофе.

Путь мне преградила крепкая грудь в накрахмаленной белой сорочке, от которой доносился еле уловимый запах мыла и собаки.

Я быстро шагнула назад и посмотрела в голубые глаза, то ли удивленные, то ли раздраженные – сложно было определить таким ранним утром и без кофе.

– Извини, – проговорила я. – Ты можешь мне показать, в каком направлении искать кофеварку?

– И тебе доброе утро, Мэдисон. Иди за мной.

Колин повел меня в кухню, а я послушно последовала за

ним; телефон в кармане завибрировал от очередного сообщения. Дверь из кухни в маленькую спальню – как мне сказали, это бывшее помещение для прислуги, которое теперь занимали Лаура и Оскар, – была слегка приоткрыта, открывая вид на пустую комнату и запроваленную кровать, из чего я сделала вывод, что сиделка уже находилась с Прешес.

– У меня кофейник. Надеюсь, тебя устроит. – Колин жестом предложил мне сесть за стол, пока он насыпал кофейные зерна в кофемолку и ставил чайник на огонь. На мой недоуменный взгляд он сказал: «Френч-пресс».

Я осмотрела кухонный стол за его спиной, чтобы убедиться, что там не стоит обычная капельная кофеварка или «Кеуриг».

– Меня устраивает, если там есть кофеин.

Слегка покачав головой, он зачерпнул кофе крупного помола и насыпал его в горячую воду, а затем придавил сверху крышкой.

– Похоже, хлопотное дело, – проговорила я.

– Некоторые вещи того стоят. Полагаю, именно поэтому фастфуд изобрели в Америке. Там важен не столько вкус и впечатления, сколько скорость, с которой это можно приготовить и съесть.

Он достал две кружки и пинту молока и поставил их на стол.

Я хотела поспорить с ним, но до первой чашки кофе обычно никуда не годилась. Да и, возможно, он был прав.

Прислонившись к кухонной стойке, он произнес:

– Я уже говорил с Арабеллой. Она не хотела беспокоить тебя, пока ты спала.

На моем телефоне завибрировало еще одно сообщение, и я подавила желание закатить глаза.

– Она скоро придет, чтобы посмотреть некоторые наряды, которые она отобрала для выставки, хотя она уверена, что у бабушки будет свое мнение, и она, скорее всего, попросит что-нибудь добавить или поменять. В кладовой внизу довольно много коробок, и я с радостью подниму их наверх после работы, но в комнате их для начала вполне достаточно. Арабелла подумала, что ты могла бы в качестве основы для статьи использовать воспоминания бабушки о том, когда она надевала ту или иную вещь и что происходило в Лондоне в это время. Это ее слова, а не мои.

Колин повернулся и налил молоко в кружку побольше, затем долил туда кофе и передал кружку мне. Я с благодарностью приняла ее и сделала глоток, после чего с удивлением посмотрела на него.

– Откуда ты знаешь, какой я люблю кофе?

Он посмотрел на меня поверх своей чашки.

– Наверное, у меня хорошая память.

Что-то в его голосе заставило меня отвести взгляд, словно меня только что отчитали.

– Почему ты решила стать внештатным журналистом? Ты же в институте не расставалась с камерой. Я думал, ты хотела

стать знаменитым фотографом.

– Я и хотела. Когда-то. И до сих пор люблю фотографировать – я, собственно, прихватила с собой свой «Хассельблад» и собираюсь фотографировать Прешес и наряды для вдохновения. Знаю, Арабелла будет пользоваться услугами профессионалов из журнала до того, что попадет непосредственно в статью. Но фотографию я все еще люблю – даже не представляю, что прекращу этим заниматься. – Я сделала еще глоток, чувствуя, как пар щекочет мой нос. – Наверное, в какой-то момент я поняла, что иногда требуется печатное слово, чтобы закончить историю, начатую фотографией.

Я не стала сдерживать расплзающейся по всему лицу улыбки.

– Удивлена, что ты помнишь такое обо мне.

Я едва не произнесла слово «смущена». Не из-за того, что он так много помнил, а из-за того, что я о нем помнила немного. И делала это намеренно. Потому что так много хотела помнить о Колине Элиоте и хранить это в себе. Или хранила бы, если бы жизнь сложилась иначе и мне суждено было иметь долгосрочные отношения.

– Как я уже говорил, у меня хорошая память. – Словно желая сменить тему, он продолжил: – Совсем забыл – несколько коробок со всякими вещами, принадлежащими моей бабушке Софии, хранятся в доме моих родителей в Кадоган-Гарденз. Документы, письма, может, несколько фотографий – все такое. Арабелла подумала, что они могли бы

помочь тебе с твоей статьей.

Я с жаром кивнула.

– Несомненно. Они могут дать фон для той эпохи. Когда я могу их забрать?

– Будет проще, если я привезу их сюда – у меня до сих пор сохранился мой древний «Ленд Ровер».

Я удивленно улыбнулась.

– Я помню его... твои родители дали тебе его, когда ты пошел в университет. А это было практически до нашей эры, да? – Старые воспоминания накрыли меня с головой. – Я помню, меня не раз довозили на нем из местного паба. Мне кажется, ты всегда был трезвым водителем. – Я уставилась на него, вспомнив еще кое-что. – Ты выпивал?

Он забрал у меня пустую кружку и повернулся ко мне спиной, заново наполняя ее, чтобы я не увидела выражение его лица.

– Кто-то же должен был оставаться трезвым. Ты даже пинты пива не могла осилить без того, чтобы твои ноги не подгибались. А еще ты гораздо разговорчивее, когда выпьешь.

– Кто, я?

– А то кто же? – сказал он, снова повернувшись ко мне и вернув мне наполненную кружку. – Однажды ты обвинила меня в том, что я – женоненавистник, из-за того что я относил тебя в твою квартиру, когда у тебя ноги не работали как положено.

– Этого я не помню. А что еще я говорила?

Несколько секунд он молчал, раздумывая.

– Ты много говорила о ком-то по имени Роб. По-моему, ты была с ним помолвлена.

Свет на кухне словно потускнел, но я знала, что это никак не связано с потолочным светильником или облаками за окном. Это пришло изнутри меня, из темного места, которое я предпочитала прятать. До тех пор, пока кое-кто не сказал кое-что и не приглушил свет.

– Я тебе это говорила? – спросила я хриплым и неестественным голосом.

– Да, говорила.

Я отвернулась, заметив на столе возле раковины небольшой аквариум, в котором плавали две пухлые золотые рыбки, находящиеся в счастливом неведении, что они возвращались туда же, откуда начинали.

– Мы расстались.

– Я так и подумал.

– Сейчас он женат на какой-то девочке. Он, как и мой отец, работает учителем английского в старшей школе и тренирует футбольную команду.

– А ты так жить не хотела.

Я отодвинула стул, поднялась из-за стола и поставила пустую кружку в раковину.

– Нет, – тихо проговорила я.

Колин не спросил почему, словно знал, что я не отвечу. Он подошел к раковине и поставил свою кружку рядом с мо-

ей.

– Ну ладно. Мне пора на работу. Джордж с Лаурой и Оскаром, а Арабелла скоро придет. Увидимся вечером.

Я кивнула, не решаясь посмотреть ему в глаза и ожидая, когда в мои собственные глаза вернется свет.

Он остановился в дверях.

– Послушай, Мэдисон. – Он прочистил горло. – Я в таком же восторге от сложившейся ситуации, как и ты. Может, нам следует заключить перемирие, чтобы ты смогла делать свою работу и закончить ее?

– Конечно. Разумеется.

Я кивала, как китайский болванчик, не в силах остановиться. Напряжение между нами гудело, как невидимые радиоволны, бьющиеся о наши невидимые стены. Мне нужно было прекратить это, иначе я не смогу сосредоточиться.

– Итак... – начал он.

– Прости меня, – прервала его я, почувствовав необходимость выяснить отношения, чтобы ком вины не вставал у меня в горле каждый раз при виде него.

Он приподнял бровь.

– За то, что не попросилась. Я не люблю прощаний, поэтому избегаю их. В этом не было ничего личного. И, если честно, я думала, ты и не заметишь.

– Буду иметь в виду, – произнес он. – И извинения приняты.

Он не улыбнулся, но, по крайней мере, больше не хмурил-

ся, глядя на меня.

Мы оба обернулись на звук открывающейся двери – в проходе стояла Арабелла, встревоженно оглядывая нас.

– Все в порядке?

– Кровь не пролилась, если ты об этом, – ответила я.

Она улыбнулась.

– Прекрасно. Тогда идем, Мэдди, посмотрим наряды. У меня всего полчаса, но ты дальше и сама справишься. Мне нет смысла стоять у тебя над душой. Моя помощница, Миа, свяжется с тобой попозже сегодня по поводу списка задач, которые я взяла смелость составить для тебя с людьми из музея. В том числе и историка – думаю, тебе будет приятно с ним познакомиться и поболтать. Ты, конечно, можешь спокойно говорить со всеми, кто тебе приглянется, но, думаю, этих для начала вполне хватит. А я с радостью передам тебе рычаги управления.

– Хорошо. С нетерпением жду, когда смогу с ними поговорить.

Я встретила взглядом с Колином и поняла, что он сдерживается, чтобы не ухмыльнуться. Мы оба прекрасно знали страсть Арабеллы к группировке и расстановке по позициям друзей и остальных людей в границах своей сферы влияния, свойственную скорее профессиональному шахматисту.

Попрощавшись, Колин ушел, а Арабелла повела меня по длинному коридору с дверями, ведущими в спальни. Моя комната была в самом конце, возле комнаты Прешес, за все-

ми фотографиями на стене. Арабелла завела меня в первую из дверей по правой стороне. Как и все остальные двери в спальни, эта имела окно с витражным стеклом над ним, позволяющее свету из большого окна в дальней стене комнаты проникать в коридор, даже когда дверь закрыта. В небольшом скудно обставленном помещении находилась лишь железная двуспальная кровать, большой шкаф в стиле двадцатых годов и туалетный столик с табуреткой и закрепленным на нем трехстворчатым зеркалом, который смотрелся так, словно попал сюда из той же эпохи. За стеклом расцвели дымчатые тени, похожие на пигментные пятна на руках старика, искажая мое отражение.

– Ух ты!

Почти всю комнату занимали металлические стойки, почти не оставлявшие места для маневрирования между ними и мебелью. Это был гардероб мечты девочки: длинные платья со сверкающими камнями; целая вешалка, отданная под шубы – старомодные, из черно-белых кинофильмов, которые я смотрела с тетей Люсиндой, когда она разрешала мне не ложиться допоздна. На другой стойке висели платья из атласного шифона разных оттенков. Сшитые словно для Джинджер Роджерс, они, казалось, умоляли, чтобы их закрутили в танце.

– Ух ты, – повторила я.

– В те времена, до и после войны, когда тетя Прешес была моделью, тут, в Лондоне, а затем и в Париже, моделям разре-

шали оставлять себе некоторые наряды, которые они демонстрировали, или покупать их с большой скидкой. Это ее коллекция. Эти образцы очень ценные, но они задохнулись среди нафталиновых шариков в кладовой, пока тетя Пенелопа – мама Колина очень сильно поддерживала Музей дизайна – не позвонила мне с идеей организации выставки. Я решила, что это восхитительно, и тут же подумала о тебе – не из личных интересов, а потому, что ты пишешь просто невероятно. Я знала, что ты сделаешь все по высшему классу.

Арабелла вошла за мной в комнату.

– Все эти платья и прекрасные ткани... – продолжила она. – Я иногда жалею, что мы так не одеваемся, но представить боюсь, сколько бы я отдавала за химчистку.

– И нет детей, которым это все можно оставить.

– Увы, нет, – проговорила Арабелла, покачав головой. – Я всегда удивлялась, почему она так и не вышла замуж. Из того, что я смогла узнать, у нее было множество воздыхателей. У тети Пенелопы множество увлекательных историй и из довоенного, и из военного времени – мисс Дюбо была настоящей героиней Французского Сопротивления, хотя сама об этом никогда не говорила. Все эти истории рассказала тете Пенелопе бабушка Колина София, так как они с Прешес близко дружили. Тетя Прешес никогда не проявляла желания разговаривать о своем прошлом. До сих пор, естественно. Полагаю, когда человек приближается к концу жизни, для него становится крайне важно передать свои исто-

рии, чтобы потомки не утратили их.

Она прошла мимо меня к ряду вечерних платьев; гроздь жемчуга и стразов переливались, словно морские стекла на пляже.

– Только взгляни на них! Представь, сколько они повидали. – Она аккуратно подняла длинный атласный рукав, расшитый бусинами цвета черного янтаря. – Я тут подумала, раз уж мы решили, какие образцы пойдут на выставку, то ты могла бы составить карточки с описанием, чтобы их использовали в музее.

Я кивнула, затем подошла ближе; до меня донесся слабый запах нафталина.

– Что с ними будет после выставки?

Меня поразила странная ностальгия. Такое же чувство я испытывала, просматривая альбом с вырезками своих первых восемнадцати лет жизни – тот, что начала моя мама, а Сюзан закончила. Как и старые фотографии, эти платья являлись всего лишь слабой тенью бурной жизни, частью которой они когда-то были; застывшие напоминания о чем-то безвозвратно ушедшем.

Я отвернулась от них, ожидая ответа Арабеллы.

– Точно не знаю. Тетя Пенелопа старается утрясти этот вопрос. Она думает, что в одной из старых усадеб, которые теперь открыты для публики, могут заинтересоваться тем, чтобы принять их на хранение в качестве постоянной экспозиции. – Она одарила меня сияющей улыбкой. – Мне нужно

бежать. А ты осмотрись и постарайся не истечь слюной. Ткани достаточно деликатные. И очень красивые.

Арабелла покинула меня, и я извлекла из рюкзака «Хасельблад», который мне подарила Сьюзан, когда я уезжала в колледж. Камера была старой, и ей не хватало современных технологий, но я все равно ее любила.

Я коснулась рукава твидового пиджака с толстым шалевым воротником, который выглядел скорее шелковым, чем шерстяным, и потерла его пальцами, наслаждаясь ощущением роскошной ткани. Я отпустила рукав, подняла камеру и принялась фотографировать наряды, равнодушно висящие на вешалках – они напоминали танцоров, ожидающих за сценой своего выхода.

Наконец, удовлетворенная, я присела и положила камеру в рюкзак. Когда я поднялась, отраженный от одной из вешалок свет привлек мое внимание. Я раздвинула несколько костюмов и обнаружила темно-зеленую бархатную сумочку в форме коробки, выглядывающую из-под шелковой подкладки женского пальто; с той же вешалки свисала золотистая цепочка.

В отличие от моих сестер Сары Фрэнсис и Нокси, меня не интересовали сумочки, но эта оказалась другой. Золототканые листья, казалось, росли прямо из бархата; ткань была немного мятой, но все еще мягкой. Пряжка из горного хрусталя – источник отражения, которое я увидела, – защелкивала крышку спереди. Я подняла сумку. Что-то в текстуре

и выкройке золототканых листьев умоляло, чтобы я к ним прикоснулась. Сумочка, к моему удивлению, оказалась тяжелее, чем выглядела. Я коснулась пряжки, затем помедлила, чувствуя, что вторгаюсь в личную жизнь незнакомого человека. Мама учила меня другому.

Я отпустила сумочку, наблюдая, как она покачивается, снова ловя свет и будто подмигивая мне. В конце коридора открылась и захлопнулась дверь, после чего раздался перезвон собачьих бирок, провозгласивший приближение Лауры и собак. Я вышла из комнаты, почувствовав необходимость закрыть за собой дверь, словно желая защитить истории, витающие, словно моль, среди старых тканей и внутри зеленой бархатной сумочки.

Глава 5

Лондон

февраль 1939 года

Ева сидела на мягкой скамье посреди хаоса из усеявших пол шелковых чулок, туфель и корсетов. Усталость после целого дня показов и беспощадных уколов во время подгонки нарядов для демонстрации весенней коллекции накрывала, и Ева с трудом держала глаза открытыми, пока ждала Прешес, чтобы вместе поехать домой на автобусе. Две модели, Одетта и Фрея, сидели на полу в своих пеньюарах, вытянув обнаженные ноги перед собой и разминая ступни.

– Ês-tu fatigué? ⁷ – спросила Ева Одетту.

Одетта весело улыбнулась.

– Oui. Très bien, Ева! У тебя произношение почти такое же хорошее, как и у меня.

– Merci beaucoup, – довольная собой, проговорила Ева.

Из-за своего острого слуха на акценты она решила проверить, распространятся ли ее таланты на изучение другого языка. Она выбрала французский не только из-за доступности носителя языка, но и потому, что благовоспитанных девочек обучали этому языку в школе. Все это было частью сочиняемого ею для только что созданной Евы жизненного

⁷ Ты устала? (пер. с фр.)

опыта, истории, которая должна была стать чем-то бóльшим, чем просто смена имени. Она не собиралась навсегда оставаться в моделях, но пока была твердо намерена изучить все, что могла, о манерах и поведении. Это должно было увезти ее как можно дальше от Йоркшира.

С важным видом вошла Элис, одетая в желтое, как подсолнух, платье, все в оборках и кружевах; следом за ней шла Прешес, уже одетая в повседневную одежду. Элис была самой молодой моделью и казалась настолько худой, что Ева всегда удивлялась, что она могла работать в ветреные дни. У нее была такая манера речи, словно ей смертельно скучно или она спросонья – подобное Ева подмечала во многих благовоспитанных молодых особах, делавших покупки у Лущтак. Она с удовольствием подражала этому, чем обычно доводила Прешес и других моделей – кроме Элис – до хохота.

– Идет миссис Рэтклифф, – сообщила Элис в своей обычной отрывистой манере. – И она, кажется, не в очень хорошем настроении. Люсиль ушла до того, как ей подогнали наряд к последнему показу, а миссис Сейнт-Джон со своей дочкой уже едут сюда и ожидают, что им покажут весь гардероб. Полагаю, сейчас полетят булавки.

Одетта и Фрея успели подняться до того, как дверь в примерочную распахнулась, впуская их начальницу миссис Рэтклифф. Ее толстые щеки и бюст колыхались. Одной рукой она схватилась за дверной проем, вторая держала украшенное узорами вечернее платье из крепа. Командный голос

миссис Рэтклифф Ева тоже с удовольствием передразнивала, когда была уверена, что начальница не слышит.

Миссис Рэтклифф подняла очки, висящие на цепочке на ее объемистой груди, словно якорь на борту судна, и водрузила их на кончик носа.

Сделав два глубоких вдоха, она обвела взглядом комнату, на секунду остановилась на Прешес, затем на Еве, после чего оглядела и всех остальных моделей, полураздетых в разной степени.

– Мне нужна модель подменить Люсиль, кто-то высокий и худой, чтобы ничего не подгонять. – Ее взгляд снова упал на Еву. – Давай ты. Приступай. Одевай это и спускайся в примерочную как можно быстрее. Подойди к мистеру Данеку. Он приведет тебя в презентабельный вид, прежде чем ты пойдешь в шоу-рум. Клиент требовательный, нельзя, чтобы ты выглядела уставшей и бледной как смерть.

Ева встала, проследив, чтобы спина была ровной, а плечи отведены назад.

– С удовольствием.

Она смахнула с плеч пеньюар, порадовавшись, что из-за усталости не успела снять чулки, трусики и бюстгальтер с открытой спиной.

Миссис Рэтклифф, поджав губы, снова посмотрела на Еву.

– Отлично. У тебя пять минут. И ни минутой больше. Мы и так сильно отстаем, и дальше откладывать нельзя.

– Нет, миссис Рэтклифф, – произнесла Ева, беря платье.

Как только начальница ушла, Прешес бросилась к Еве и забрала у нее платье.

– Фрея, Одетта, помогите, пожалуйста, Еве надеть платье. А я возьму ее туфли.

Одетта скомандовала:

– Закрой глаза и подними руки.

Ева так и поступила. Две модели через голову надели ей платье, аккуратно, чтобы не поцарапать булавками.

Прешес поставила хорошие туфли Евы – с ремешками, на высоких каблуках, которые они вместе купили после первой зарплаты, – перед ней на пол, вставила в них сначала одну, потом вторую ногу, а Одетта и Фрея тем временем подгоняли платье прямо на теле модели.

Прешес быстро расчесала волосы Евы и заколола их в небрежный пучок.

– Ну просто картинка, – сказала она. – А теперь поторопись. И главное, не споткнись. Я останусь и помогу тебе переодеться.

– Да не стоит. Кроме того, разве ты не должна сегодня идти в кинотеатр с тем молодым адвокатом, с которым познакомилась на прошлой неделе?

– Подождет. Я слышала, миссис Сейнт-Джон та еще хамка, так что тебе потребуется дружеское лицо и рука помощи каждый раз после возвращения из шоу-рума.

Ева улыбнулась с облегчением, бóльшим, чем могла при-

знать себя самой себе.

– Спасибо. Я – твой должник.

– Я это запомню. А теперь иди. Встретимся в примерочной.

Ева отрывисто кивнула, а затем выбежала за дверь.

– Только булавки не выдергивай, – крикнула ей вслед Прешес, но Ева не останавливалась, пока не добежала до примерочной. Она обрадовалась, что кроме визажиста там никого не было.

– Мистер Данек! – с жаром воскликнула она, приблизившись к его рабочему столу с разбросанной косметикой.

– А, прекрасная Этель, – произнес он, улыбнувшись ей в ответ.

– Ева, помните? И я все еще работаю над фамилией, которая подойдет мне лучше, чем Молтби.

– Ну конечно. Я постараюсь. У меня есть для тебя несколько помад, которые, думаю, тебе понравятся.

Невысокий, жилистый мужчина лет шестидесяти с неопределенной европейской внешностью и седой шевелюрой, мистер Данек обычно воспринимался немым: он никогда не разговаривал, подготавливая девушек к показу. Ева подозревала, что это из-за того, что никто с ним не заговаривал. Ее подозрения подтвердились, когда она заметила, как перед прогоном мистер Данек, нагруженный коробками и сумками, пытается взобраться на крыльцо мастерской Луштак. Она предложила ему помощь. Он с благодарностью

принял ее и даже улыбнулся, показав на удивление белые зубы.

Дружба зародилась, а затем окрепла благодаря частым визитам в кафе «Хорват» неподалеку от Дома Луштак, которым управляли то ли друзья, то ли семья мистера Данека. По крайней мере, так предположила Ева, поскольку в кафе его называли по имени на том же иностранном языке. Она точно не знала, каком именно, но не хотела показаться глупой или необразованной, выказав свое невежество. Прошла целая неделя, прежде чем она набралась смелости спросить и выяснила, что мистер Данек родом из Чехословакии, из городка под Прагой под названием Лидице. Для Евы это звучало очень экзотично, и с ее точки зрения такие названия звучали гораздо привлекательнее Йоркшира.

В обмен на помощь в изучении английского он отдавал ей неисправные тюбики с губной помадой и наполовину использованные баночки рассыпчатой пудры, а еще раскрошившиеся румяна и искривленные кисточки для туши, вместе с советами и подсказками, как их лучше всего использовать. Теперь же, когда она села за стол и пододвинула стул ближе, у него на ладони лежали два тюбика губной помады.

– Благодарю вас! – воскликнула она. – Мне даже не нужно смотреть – я знаю, что тут же влюблюсь в них. Вы всегда выбираете только правильные оттенки.

Его темные глаза засветились.

– Всегда приятно работать с таким безупречным полот-

ном. С тобой и мисс Дюбо. Не нужно прикрывать никаких изъянов. Хорошо, что не все такие, иначе я остался бы без работы!

Он улыбнулся собственной шутке, перебирая баночки с румянами в ящике.

– Как продвигается твой французский?

– Très bien! – ответила Ева, стараясь держать лицо неподвижным.

– Может, когда-нибудь ты разрешишь мне обучить тебя моему языку?

Он положил палец ей на подбородок, чтобы придвинуть Еву чуть ближе, а затем погрузил кисточку в темную баночку.

– Может быть, – с сомнением протянула она. – Думаете, французского и английского будет недостаточно?

Их глаза на мгновение встретились перед тем, как мистер Данек наклонился, чтобы накрасить ей ресницы.

– Мир очень велик, Ева. Хотя прямо сейчас в Германии некоторые пытаются сделать его меньше, поглощая страны, как голодные львы.

Он отстранился, чтобы полюбоваться результатом своей работы, и встретил ее смущенный взгляд.

– Старайся читать газеты, Ева, и быть в курсе дел. Так делают самые образованные женщины, хотя они, конечно же, никогда в этом не сознаются за праздничным столом. Но я знаю, как ты любишь казаться образованной.

Его слова не звучали ни осуждением, ни укором, а просто информацией к размышлению. Ева очень мало рассказывала ему о своем прошлом, если не считать того, что она из Йоркшира, а ее мать занималась стиркой и шитьем. Мистер Данек, казалось, без слов понимал, что она пыталась вырезать свое прошлое, как раковую опухоль.

– Ну хорошо, – произнесла она, откинувшись на спинку стула. – Тогда мне еще нужно придумать, где я обучалась – в каком-нибудь месте, где женщина по имени Ева жила бы уединенной, благовоспитанной жизнью.

Он облокотился о стол и тихо произнес:

– Если ты хочешь когда-нибудь повысить свое положение в обществе, тебе потребуется убедительная причина, объясняющая, почему ты модель. Понимаешь, круги, в которые ты хочешь попасть, смотрят на твою профессию свысока. Как и на актрис, и на оперных певцов. Но если у тебя есть солидная предыстория, тогда движение вверх возможно, да? – Он слегка повернул голову, словно хотел убедиться, что они все еще вдвоем. – У тебя очень хорошо получается перевоплощаться, Ева. Мне кажется, лучше всех. Ты далеко пойдешь с таким умением. – Откинувшись назад, он рассмеялся. – Ты напоминаешь мне ту девушку из кинофильма с Лесли Говардом – «Пигмалион».

– Вы имеете в виду Элизу? – Она замотала головой, ощущая вспышку гнева. – Я никогда не была такой замарашкой.

– Нет, не была. И сначала была пьеса. Ты должна знать

такие вещи, Ева. Читай больше, ходи на пьесы и концерты. Запомни – *перевоспложение*.

В комнату влетела старшая швея миссис Уильямс, с сантиметром вокруг шеи и закрепленной на запястье подушечкой для булавок. Она взяла Еву за руку и помогла взобраться на платформу для подгонки одежды.

– Скорее, скорее. Нужно сшить все на живую до прихода мадам Луштак.

Ева оглянулась на мистера Данека и, увидев его ободряющую улыбку, выпрямилась и стала рассматривать себя в зеркало. Миссис Уильямс приступила к работе: ее белые дряблые руки трепетали, как пойманная рыба, пока она ползала вокруг платформы на коленях, делая замеры и втыкая в ткань булавки из браслета с подушечкой. Когда мистер Данек попрощался и ушел, в комнате стало очень тихо, если не считать тяжеловатого дыхания миссис Уильямс, которая крутилась вокруг Евы, оттягивая, подкалывая и время от времени делая небольшие стежки.

Зажатые туфлями пальцы ног Евы онемели, начала болеть спина, но она стояла смирно, двигаясь, только когда ее просили. В коридоре хлопнула дверь, после чего раздались торопливые шаги. Миссис Уильямс прервала свое занятие и повернула голову в сторону двери, но Ева продолжала стоять ровно, боясь пошевелиться и сорвать замысловатый бант со складками, закрепленный на талии.

– Миссис Уильямс, вы уже закончили?

При звуке голоса мадам Луштак миссис Уильямс встала и немного приотпустила ткань, не до конца выпуская ее из рук. Последние десять минут она собирала и подкалывала складки, чтобы они лежали как нужно.

– Не совсем, мадам. Сейчас я закончу с розеткой и складками, и все будет готово.

Ева видела осунувшееся лицо Мадам в зеркале, с точно таким же выражением, как и у миссис Рэтклифф за ее спиной. Темные глаза мадам Луштак придирчиво осмотрели наряд, внимательно изучая каждую линию и изгиб, и остановились на шее модели. Ева замерла, боясь пошевелиться. Мадам подошла ближе, изучая строчку, рукава-крылышки, тонкие складки длинного подола.

– Будьте любезны. – Она повернулась к миссис Рэтклифф. – Я буду ждать в шоу-руме. – Затем Мадам в первый раз взглянула на Еву. – Это очень важный клиент – ты это понимаешь? Миссис Сейнт-Джон привезла свою дочь из провинции. Она только что обручилась, и ей нужны новые наряды на все мероприятия, в которых она будет участвовать.

Ева кивнула.

– Да, мадам.

– Хорошо. И запомни: быть моделью – это не просто пройтись в красивом наряде. Это еще и показать радость и уверенность, которую вызывают мои наряды. Я уверена, ты меня не разочаруешь.

В комнате стояла тишина до тех пор, пока шаги Мадам не

затихли в коридоре. Затем миссис Рэтклифф взглянула на Еву и нахмурилась.

– Миссис Сейнт-Джон рассчитывает приобрести несколько новых нарядов для дочери, чтобы та появлялась в них в разделе светской хроники. Мадам подумала, что это платье подойдет идеально. И она еще принесла из шоу-рума несколько других нарядов. Она рассчитывает, что ты покажешь их все, так что ты, в свою очередь, можешь рассчитывать на долгий вечер.

Это была не просьба, но Ева и не собиралась отказываться.

– Да, конечно.

Миссис Уильямс быстрым движением вдела нитку в иглоку и принялась ушивать платье под Еву.

– Не волнуйся, лапочка. Миссис Сейнт-Джон – та еще стерва, но ее дочка – добрая душа. Она уже была у меня на примерке; она не позволит матери обижать тебя. Кроме того, ты прекрасно выглядишь.

Прешес с пудреницей и тубиком помады в руках присоединилась к миссис Рэтклифф, стоявшей за спиной миссис Уильямс и ожидавшей, когда та сделает последний стежок. Затем Прешес освежила макияж подруге, а миссис Рэтклифф попросила Еву поднять голову, чтобы загримировать небольшую родинку на шее.

– Вот, – сказала Прешес, делая шаг назад. – Само совершенство. Теперь ее совсем не видно.

Ева склонила голову и посмотрела на свое отражение. Небольшое пятнышко настолько сроднилось с ней, что она его даже не замечала.

– Ты права. Спасибо.

Миссис Рэтклифф одобрительно кивнула.

– Ну, ты готова?

Не дожидаясь ответа, она повернулась и двинулась по коридору, даже не проверяя, успевают ли за ней Ева.

В шоу-руме горели все лампы, освещая стеллажи с готовой одеждой, выставленные в ряд по периметру просторного зала; яркие цвета нарядов на фоне белых стен напоминали румянец на белых щеках. Ева улыбнулась своей лучшей, в стиле Мирны Лой, улыбкой, которая, как она считала, придавала ей уверенности и одновременно отражала красоту и доступность.

Неспешной, уверенной походкой она прошла по центральному проходу шоу-рума к дальней части, где рядом с удобными диванами и стульями располагались столики из бронзы и стекла, заставленные бокалами с шампанским и пирожными. На небольшом диване сидели две женщины, держа в руках по бокалу. Когда Ева подошла к ним, их беседа прервалась. Старшая из них, видимо, миссис Сейнт-Джон, уважаемая и очень стройная, сидела, изящно скрестив лодыжки длинных ног. Она была облачена в твидовый костюм с узором в гусиную лапку; меховая накидка все еще лежала на ее плечах, словно она не собиралась задерживаться

надолго. Она была привлекательной женщиной, а в юности, должно быть, считалась красавицей. Возможно, если бы выражение ее лица не выглядело столь мрачным. Разглядывая платье, она не улыбалась и не смотрела на Еву.

– О, мама, оно чудесное, не правда ли? Посмотри, как оно подчеркивает фигуру. Складки почти греческие, не правда ли?

Ева переадресовала свою улыбку другой женщине: более молодой, немного более полной версии своей матери, с русыми волосами и модной стрижкой, прикрытой элегантной шляпкой, с россыпью веснушек на переносице и карими глазами, окаймленными черными ресницами. Но именно улыбка и миниатюрный подбородок оживляли лицо и заставляли Еву жалеть, что они не могли быть подругами.

Ева сделала шаг назад и повернулась, чтобы они могли полюбоваться открытой спиной. Миссис Сейнт-Джон отпила из бокала и произнесла:

– Полагаю, оно смотрится лучше на высоких и стройных.

Сбоку подошла мадам Луштак, которая стояла в стороне, почти невидимая за манекеном, одетым в один из костюмов прошлого сезона.

– Оно было задумано с целью подчеркнуть достоинства женских форм, сделать акцент на талии или создать талию, если ее нет. И, конечно же, длину можно укоротить при необходимости. Это идеальный материал для межсезонья. Оно одинаково хорошо носится и при низкой температуре,

и при высокой.

– Может быть, – с сомнением протянула миссис Сейнт-Джон. Она взмахнула рукой. – Пройдись еще немного, мы посмотрим, как оно двигается. Рукава довольно интересные.

Ева снова повернулась к женщинам лицом, поведя плечами, чтобы сделать акцент на колебании рукавов; затем она развернулась и двинулась от них, давая возможность получше осмотреть все платье целиком. Именно в этот момент она заметила мужчину, который сидел, положив ногу на ногу, на одном из мягких стульев. В одной руке он держал сигарету, в другой – бокал шампанского.

– А мне оно, скорее, нравится. – Он улыбнулся, и щеки девушки залились румянцем от столь непринужденного поведения молодого красавца. Ева лишь однажды видела эту улыбку, но с тех пор постоянно встречала ее даже в дневных грезх. Она даже засыпала каждый вечер, кладя под подушку носовой платок в надежде, что улыбка вторгнется и в ночные грезы.

Он поднял бокал, как бы приветствуя Еву, и, улыбнувшись еще шире, спросил:

– А оно водонепроницаемое?

Девушка запнулась, но быстро овладела собой, изящно развернувшись. Подол красиво взмыл вокруг ее лодыжек, и она заработала одобрителный кивок мадам Луштак.

– Право, Грэм, – произнесла миссис Сейнт-Джон. – Не говори глупостей. Оно не предназначено для того, чтобы сло-

няться в нем по полям.

Ева остановилась и положила кисти на бедра, делая вид, что показывает элегантную линию талии и изысканные рукава, но на самом деле она старалась справиться со слабостью в коленях. Ей нужно было выйти отсюда, не оконфузившись. Покачивая бедрами из стороны в сторону, она не посмела еще раз взглянуть на мужчину, но продолжила улыбаться двум женщинам.

– Само собой, – проговорил мужчина.

Грэм. Наконец у фантазии Евы появилось имя. Она украдкой, через плечо, взглянула на него еще раз и тут же снова зарделась, когда поняла, что он не опустил глаза.

– И все же, – продолжил он, глядя прямо на Еву, – мне кажется, что оно просто великолепно.

Казалось, что он говорит вовсе не о платье. Ева чувствовала себя так, словно стоит совершенно голая у всех на виду. Не дожидаясь кивка от мадам Луштак, она отвернулась от посетителей и размеренными, неспешными шагами дошла до двери шоу-рума, ни разу не оступившись. Закрыв дверь, она прислонилась к ней, часто дыша, словно только что пробежала большое расстояние.

Грэм. Его зовут *Грэм*. Она ощущала себя одновременно счастливой, обессиленной и взволнованной – три эмоции, которые она никак не могла объяснить. Был ли он женихом? От этой мысли ее почти затошнило.

– Ты была великолепна, – произнесла Прешес. – Просто

великолепна. Ты видела того мужчину? Он глаз от тебя отвести не мог!

Ева кивнула.

– Но мне кажется, что он – жених.

Прешес чуть опустила голову.

– Очень надеюсь, что нет, потому что тот мужчина положил глаз именно на тебя. Ни у одной девушки не было бы ни единого шанса. Если бы я баловалась ставками, то безусловно поставила бы на тебя.

Присутствие подруги и утешительные слова успокоили дрожь. Появилась миссис Рэтклифф. Она взяла Еву за руку.

– Поторопись, девочка. На болтовню времени нет. Миссис Сейнт-Джон не любит, когда ее заставляют ждать.

Ева кивнула, и вместе с Прешес они пошли за миссис Рэтклифф в примерочную. Миссис Уильямс гладила плиссированную юбку из кремового шелка и льняное уличное платье с болеро, украшенное фестончатой оборкой и воротником.

– Быстрее, быстрее, – подгоняла миссис Рэтклифф, начав расстегивать платье, не дождавшись, когда Ева остановится.

– Там в шоу-руме мужчина, – начала Ева.

– Мужчины часто бывают в шоу-руме, – отрезала миссис Рэтклифф. – Многим из наших леди требуется мнение джентльмена, прежде чем они совершат покупку.

– Значит, он жених миссис Сейнт-Джон? – честно говоря, Ева не хотела слышать ответ, но ей нужно было знать. Она раскинула руки, чтобы один наряд можно было снять, а вто-

рой – надеть, через голову. Он подошел практически идеально; один стежок на талии – и она была готова вернуться в шоу-рум, где ее ждал *Грэм*.

Миссис Рэтклифф раздраженно фыркнула, резко дернув плечами.

– Не твое дело. Иди. Они ждут.

Прешес подправила Еве макияж. Когда миссис Рэтклифф потянула Еву за собой обратно в шоу-рум, миссис Уильямс сочувственно улыбнулась ей.

В этот раз Ева чувствовала себя иначе. Увидев свое отражение в полноразмерном зеркале, она себя не узнала. Женщина, смотрящая на нее, была собранной. Искушенной. Прекрасной. Бесконечно далекой от Этель Молтби, которая села в поезд в Йоркшире всего с тремя шиллингами в кармане и с чемоданом, наполненным лишь надеждами.

– Ты выглядишь лучше всех, поэтому веди себя так, словно ты тут хозяйка, – громко прошептала Еве Прешес, придав подруге уверенности и заставив ее улыбнуться.

На этот раз, когда двери шоу-рума распахнулись, Ева чувствовала себя полностью готовой. Она была Мирной Лой, Бетт Дэйвис и Джин Харлоу одновременно. Этель Молтби начала блекнуть, ее сменяло прелестное создание по имени Ева, которое навсегда запомнит этот день, день, когда оно по-настоящему родилось. Она горделивой походкой двинулась через весь зал, улыбаясь мадам Луштак. Приблизившись к диванам и стульям, она сбавила шаг. Миссис Сейнт-

Джон сидела с прямой, словно шомпол, спиной; ее дочь сидела рядом, улыбаясь. Но стул, где сидел Грэм, оказался пуст; в пепельнице дымился окурок его сигареты.

Ева отбросила в сторону свою досаду, чувствуя себя глупо из-за того, что навывдумывала себе, что он вообще проявлял к ней хоть какой-нибудь интерес. Она бросила все свои силы на то, чтобы продемонстрировать оставшиеся наряды, постараться подчеркнуть шелковые подкладки на пальто, практичные карманы на юбках. Когда она, с гудящими ногами и ноющей спиной, вернулась в примерочную в последний раз, миссис Рэтклифф по-настоящему искренне улыбнулась ей. Она сказала, что миссис Сейнт-Джон и ее дочь заказали все пять нарядов, которые Ева продемонстрировала им.

Когда миссис Рэтклифф ушла, взбудораженная Прешес набросилась на Еву.

– Ты узнала его имя? Ты выяснила, куда он ушел?

Ева покачала головой.

– Может, он вернется.

Она больше не улыбалась. Прешес обняла подругу.

– Вернется. Поверь мне. Мне уже нужно идти... Рональд ждет. Увидимся в квартире.

– Спасибо тебе за помощь. Ты хорошая подруга. Без тебя я бы слишком нервничала и наверняка споткнулась бы.

Прешес еще раз обняла Еву.

– Ни на секунду не поверю в это.

Она подмигнула и убежала.

Миссис Уильямс помогла Еве одеться. Натягивая девушке через голову простенькое платье, она поджала губы. А когда Ева взяла свое шерстяное пальто, она охнула и проговорила:

– У тебя что, больше нет другой одежды? Ты же так простудишься насмерть.

– Все будет хорошо... Я бóльшую часть дороги на автобусе.

Но миссис Уильямс уже копалась в одной из вешалок. Выудив длинное красное пальто из кашемира, она передала его Еве.

– Надень лучше это. Оно прошлогоднее. В нем дырка от моли, но ты ее даже и не заметишь. Его в починку принесли, так что можешь его сегодня надеть. И вон с теми туфлями оно будет замечательно смотреться.

Ева хотела отказаться, сказать, что ее шерстяное пальто вполне по погоде. Но дотронувшись до мягкой ткани и увидев идеальное переплетение и качество кашемира, она не смогла отказаться.

– Благодарю вас, – проговорила она, пока швея надевала на нее пальто, а затем застегнула на шее большую обтянутую шелком пуговицу. Мисс Уильямс показала прорези, через которые продевались руки, а затем отошла на шаг назад, чтобы полюбоваться результатом; Ева тем временем натягивала на руки пару лайковых перчаток. Они были разными – потому-то Ева и смогла позволить себе их купить, – но достаточно похожими, чтобы никто не смог этого заметить,

не приглядевшись внимательно. Ева не собиралась менять туфли, так как у нее болели ноги, и она не хотела рисковать и случайно повредить их, но миссис Уильямс была права. С пальто они смотрелись идеально.

– Прекрасно, – сказала миссис Уильямс.

Взглянув на свое отражение в высоком зеркале, Ева не смогла не согласиться.

Она вышла через заднюю дверь и взглянула на темное небо. Уличные фонари освещали дорогу. Поднимался ночной туман, воздух становился свежее. Он напомнил Еве о свежевystиранном белье, которое она развешивала вместе с матерью. Белье пахло мылом и солнцем – два запаха, навечно слившихся воедино в ее сознании. Это было одно из немногих приятных воспоминаний о доме.

Ее поступь была легка, ноги почти не чувствовали усталости, когда она представила, как смотрится в этом щегольском пальто. Казалось, брызги звезд и узкий серп луны расположились на небе ради нее одной. *Улыбка Бога*. Так Прешес называла неполную луну, и в тот вечер Ева была готова в это поверить.

Она шла к своей автобусной остановке по Ганновер-Сквер; шла медленнее, чем обычно, пропитываясь этим вечером и своим жизнерадостным настроением. Раздумывая, не купить ли рыбы с жареным картофелем в магазине на углу, она заглянула в сумочку проверить, хватит ли денег, и в эту минуту чуть не врезалась в прохожего.

– Прошу меня... – начала она, но замерла, подняв глаза и встретившись взглядом со знакомыми зелеными глазами. – Ой! – От удивления Ева сделала шаг назад, стараясь унять поднявшееся волнение. – Это вы.

– Я думал, вас никогда не отпустят. Скамейки в парке крайне неудобны для долгого ожидания. Как, наверное, мучилась моя няня. – Он по-мальчишески улыбнулся, и Ева снова почувствовала, что волнуется. – Надеюсь, моя мать и сестра оправдали приложенные вами усилия.

Сестра. Ева сосредоточилась на этом слове, бессмысленно глядя на Грэма. Вот была бы здесь Прешес: она всегда знала, что и когда нужно говорить.

Когда Ева оставила реплику без ответа, он снял свою шляпу.

– Где мои манеры? Я боюсь, официально нас друг другу так и не представили. – Он отвесил шуточный поклон. – Мистер Грэм Сейнт-Джон. К вашим услугам.

Он снова улыбнулся, и очарованная Ева рассмеялась.

– А, так леди все же разговаривает!

Ева представила себя в красном пальто и изящных туфлях, и девушка по имени Этель Молтби исчезла окончательно. Подражая героине Кэтрин Хепбёрн из кинофильма «Дверь на сцену», она протянула ему кончики пальцев, спрятанные под перчаткой.

– Мисс Ева Харлоу.

Она почувствовала тепло его пальцев через перчатку.

– Мисс Ева Харлоу, – повторил он, и ее имя звучало подобно музыке на его устах, наполняясь значением. – И откуда же вы, мисс Харлоу?

В ее голове как будто зазвучал голос мистера Данека. *Перевоспложение.*

– Я из Девона. Приятно с вами познакомиться.

– Взаимно. – Он вернул шляпу на голову. – Я надеялся встретить вас еще раз. Хотел поблагодарить вас за то, что вы указали мне направление к церкви Сейнт-Мэрилебон. Я нашел там все, что хотел, и все благодаря вам.

– На самом деле, это все благодаря архитектору, который создал ее.

Он одарил ее широкой улыбкой, и ее сердце затрепетало в груди.

– Да, вы, несомненно, правы. Но я никогда не нашел бы ее без вашей помощи. Вы позволите мне отблагодарить вас должным образом, пригласив на бокал вина или – смею ли надеяться – на ужин?

Ева, не отрываясь, смотрела на этого красивого мужчину, удивляясь, неужели ей, наконец, улыбнулась удача. Или если она моргнет, то он, пальто и туфли вмиг исчезнут?

Неверно расценив ее молчание, Грэм произнес:

– Вы уже познакомились с моей матерью и сестрой, так что можете быть уверены в моей добропорядочности.

– Раз так... – начала Ева.

Он протянул ей руку, и она просунула свою ладонь ему

под локоть, позволив ему вести ее по пешеходной дорожке, а звезды и луна светили над ними, озаряя своим светом безграничные возможности.

Глава 6

Лондон

май 2019 года

Мой телефон загудел, и, открыв глаза, я поняла, что лежу, скрючившись, на изысканной кушетке в одной из двух передних гостиных в квартире Прешес Дюбо, а у моих ног похрапывает Джордж. Оскар сидел передо мной на полу, не сводя с меня глаз. Взгляд не враждебный, но определенно настороженный.

Последнее, что я помнила, – как включила телевизор, чтобы посмотреть утренние новости. Судя по каретным часам на каминной полке, это было четыре часа назад. Я села и схватила телефон, уставившись на него так, словно пыталась вспомнить, как по нему отвечать. Телевизор кто-то – видимо, Лаура – выключил; тот же человек, предположила я, укрыл меня вязаным одеялом.

Телефон замолчал. Я уже собралась снова заснуть, когда на экране выскочило сообщение:

Я внизу. Привез коробки. Бабушка позвала на обед.

А еще я обнаружила, что несмотря на то, что не раз в сообщениях просила Нокси просто звонить, если возникала какая-то срочность, или – если срочности не было – писать,

чтобы я могла ответить, когда появится возможность, она оставила три сообщения, в каждом из которых написала:

Позвони мне.

Моему затуманенному разуму понадобилось некоторое время, чтобы понять, что последний звонок и сообщение были от Колина. Прежде чем уяснить смысл написанного, я обратила внимание на то, что он писал коротко, но не использовал никаких условных обозначений в тексте. Конечно, я бы ему об этом не сказала, но была благодарна ему за это. Я думала, что я – единственный человек в моей возрастной группе, который так делал.

В фойе зазвенел колокольчик лифта, выдернув меня из прострации. Я доковыляла до входной двери и, открыв ее, обнаружила Колина, вытаскивающего гофрированные коробки из лифта в коридор.

– Кажется, это все, что было в таунхаусе, – сообщил он. – Но в кладовой еще довольно много. Я боялся принести больше – тут просто места не хватит. Я подумал, что после того как Арабелла и Прешес отберут то, что им не нужно, мы сможем заменить некоторые коробки на новые.

– Так и поступим. Давай помогу, – сказала я, подняв одну из коробок и обнаружив, что она на удивление легкая. – Куда поставить?

– Где место найдешь, туда и поставь. А то, что не поместится, можем отнести в столовую. Я еще могу принести дюжину шляпных коробок из кладовой. Они занимают много

места, так что я решил, что ты захочешь просмотреть сначала эти.

Он выпрямился, когда дверь в квартиру раскрылась шире. Мимо меня пронеслись Оскар и Джордж, которые тут же напали на Колина со всей своей бьющей через край любовью.

– Надеюсь, ты хорошо вздремнула, – сказала мне Лаура из дверей. – Я боялась, что собаки тебя разбудят, но ты была в полной отключке. Обед почти готов, и Прешес ждет вас обоих. – Она посмотрела мне за спину, где Колина зализывали насмерть две собаки. – Рада, что ты получил мое сообщение; она очень хочет тебя увидеть. Хорошо, что успел.

Он поднял большую коробку и понес к двери.

– Я не смогу остаться надолго – у меня в два встреча.

– Уверена, она поймет. Я добавила на стойки в спальне побольше вешалок, так что сможете повесить еще одежды. Не понимаю, как у человека может быть столько нарядов.

Я положила коробку на кухонный стол и вернулась в коридор. Оскар обнюхивал коробку. Когда я наклонилась почесать его за ухом, он зарычал.

Лаура взяла собачку на руки.

– Ему требуется какой-то срок, чтобы подружиться с незнакомцами. Дай ему немного времени, и уверяю, скоро он будет подставлять пузо, чтобы ты его почесала. – Она ободряюще улыбнулась. – Пойду проверю, что Прешес готова встретиться с тобой. Обед минут через десять.

Я смотрела на милую мордашку Оскара на плече Лауры,

пока она шла по коридору. Я не могла расшифровать его взгляд, но решила, что он мне все равно нравится. Я взяла следующую коробку и перенесла ее в спальню, поставив на туалетный столик. Затем подошла к окну, чтобы расчистить место для Колина, который опустил коробку на кровать. Я раздвинула в стороны приоткрытые шторы, подвязав их толстыми шнурами, прикрепленными к раме.

По комнате разлился свет. Я могла заглянуть в окна квартиры соседнего дома, что объясняло наличие плотных штор. Но если раскрыть шторы, прислониться лбом к стеклу и посмотреть вверх крыш террасных домов позади Дома Харли, можно было увидеть Риджентс-Парк. Утром большинство окон оставались темными, и я заметила, что эркеры с узорчатыми витражными стеклами были рассыпаны по фасадам обоих зданий совершенно абсурдно – в шахматном порядке.

– А почему некоторые витражные окна отсутствуют? – спросила я.

Колин оторвал взгляд от очередной коробки, которую только что опустил на пол.

– Блиц. – Когда я не ответила, он добавил: – Немцы. Во время войны. Они сбросили на Лондон очень много бомб.

Я бросила на него взгляд, которым обычно смотрела на своих младших братьев и сестер, когда они оправдывались или пытались избежать наказания. Взгляд означал многое, но, как правило, использовался, чтобы дать им понять, что

я не дура, и дальнейшее поведение в том же духе получит последствия.

– Я знаю, что такое Блиц. Помню еще со школы. Просто... – Я пожала плечами. – Я знала, что погибло много мирных жителей. Но я всегда, видимо, считала, что бомбы сбрасывали у реки или еще у какого-нибудь стратегически важного места. Но... не здесь. Не где жили люди. Возможно, я забыла, потому что это все так ужасно.

Колин встал рядом со мной у окна и указал на тыльную сторону террас, которые я уже видела. Проследив за его пальцем, я увидела на одном из задних дворики женщину, покачивающую малыша на лошадке-качалке.

– Одна упала прямо на Йорк-Террас-Ист – было разрушено целое здание, а вот это немного повреждено. Как минимум, одна бомба упала перед Домом Харли на Мэриле-бон-Роуд. Осколки и обломки разлетелись довольно далеко и разбили несколько окон. Урон домам и мирным жителям причиняли намеренно. Гитлер считал, что это заставит Британию сдаться в считанные недели. Вместо этого британцы выдержали около девяти месяцев почти еженочных налетов. Бомбардировка прекратилась только потому, что Германии понадобились самолеты для войны с русскими.

Девочка на лошадке болтала ножками в воздухе, и мне казалось, что я слышу ее звонкий смех.

– А людей предупреждали, чтобы они могли уйти в какое-нибудь безопасное место?

– Да, были сирены и уполномоченные, которые показывали, где ближайшее бомбоубежище.

– А Прешес? Она тут жила во время Блица?

– Какое-то время жила, по-моему. Бабушка никогда особенно не рассказывала о войне.

Я повернула голову, чтобы что-то сказать, но обнаружила, что стою к нему настолько близко, что наши носы почти соприкасаются. За моей спиной стоял платяной шкаф, поэтому отступить назад я не могла. Колин не сдвинулся с места, и я была вынуждена посмотреть в его глаза чистого голубого цвета без единого вкрапления другого оттенка.

– Ну, хорошо, что я здесь – смогу сама спросить ее.

Мой телефон заиграл «Super Freak» Рика Джеймса.

– Это тетя Кэсси... – начала я объяснять, но Колин уже вышел из комнаты.

Я хотела рассказать ему, как во время моего последнего приезда домой мой тогда одиннадцатилетний брат Гарри с самым невинным видом попросил у меня телефон поиграть. А затем привязал отдельный рингтон к контактам всей нашей семьи – без моего ведома и разрешения. Сильно подозреваю, что ему помогал мой дядя Сэм, и Гарри отомстил мне за то, что я отправила его в школу с детским питанием в пакете для завтрака. С тех пор прошло уже почти три года, а я все еще не поменяла мелодии.

Я нажала кнопку ответа.

– Алло?

– Привет, моя милая Мэдди. Это тетя Кэсси. Есть у тебя минутка?

Я взглянула на нераспакованные коробки на кровати и на полу.

– Конечно, только давай я переключу тебя на громкую связь.

Я включила громкую связь и положила телефон на туалетный столик.

– Как дела?

Сосредоточившись на большой коробке, стоявшей на кровати, я просунула палец под клейкую ленту и начала отдирать ее.

– А, как обычно – ношусь, как курица с отрубленной головой. Рекламное агентство процветает, и я наняла еще несколько человек, так что теперь мне не приходится так много путешествовать и по большей части я могу работать из дома. Кстати, твой дядя Сэм и двоюродные братик с сестренкой, Сьюзи и Сэм-младший, передают тебе привет.

– Передай им обратный, – сказала я, чувствуя, как звук ее голоса наполняет меня теплом. Хотя я и познакомилась с сестрой моей матери, когда мне исполнилось четырнадцать, за прошедшие с тех пор годы тетя Кэсси с лихвой компенсировала упущенное время.

Раскрыв клапаны коробки, я обнаружила аккуратно сложенную одежду. Прикоснувшись к ней, я ощутила кончиками пальцев мягкую шелковую тафту и выудила платье полу-

ночно-синего цвета; когда я поднесла его к свету, ткань из темно-синей превратилась в черную. Я протянула руку за вешалкой, висящей на одной из стоек.

– А раз уж ты никак не соизволишь взять телефон и позвонить своей сестре, то я звоню за нее. – Я расслышала улыбку в ее голосе. – Она помолвлена!

Я уронила платье.

– Но ей всего девятнадцать! Она еще слишком маленькая! Голос Кэсси звучал ласково и успокаивающе – ей пришлось заново учиться этому, когда она вернулась домой из Нью-Йорка почти пятнадцать лет назад.

– Они с Тайлером встречаются с начала старших классов. У них обоих есть головы на плечах, и они серьезно настроены получить дипломы. У них хорошие отметки в Университете Джорджии, и они собираются поступать на юридический факультет, если тебе от этого будет легче. И, как Нокси постоянно всем напоминает, твоя мама была в том же возрасте, когда вышла за твоего отца. Не говоря о том, что вы с Робом Кэмпбеллом были помолвлены в девятнадцать.

Я подняла с пола платье и повесила его на место.

– Это случилось сто лет назад, когда я была молодой и глупой. – Я снова ощутила покалывание в глазах и сглотнула появившийся в горле ком, притворившись, что совершенно забыла о своей злосчастной помолвке.

– Так почему она звонит не мне, а тебе? Я же говорила ей звонить мне, если это важно.

Колин появился с очередной ношей, поставил ее рядом с другой коробкой и снова ушел. Потянувшись за следующим платьем, я услышала, как Кэсси выдохнула в трубку.

– Нокси сказала, что она писала тебе почти целых два дня и решила, что ты избегаешь ее, поэтому она и попросила меня позвонить. У нее была к тебе просьба, и она подумала, что у меня больше шансов получить от тебя положительный ответ. Потому что я вроде бы как командирша.

Я попыталась улыбнуться и пошутить по поводу правоты сестры, но страх выбил из меня дух, и теперь мне не хватало воздуха.

– Она хочет отпраздновать свадьбу на Рождество. Это любимое время года твоей мамы, и раз уж Нокси выходит замуж первой, она подумала, что это вполне логично.

– Ну да. Конечно. – Я подождала, когда страх уйдет, но он все звенел у меня в голове, словно ночной кошмар.

– Ну отлично, что ты «за». Потому что есть еще кое-что.

– Это из-за таксидермии? Скажи Нокси, что это всего на год.

В ее голосе послышалась улыбка.

– Нет. Кстати, это довольно забавно, хотя Нокси теперь боится открывать свою почту. Нет, кое-что другое.

Я крепко зажмурилась, ожидая взрыва.

– Она хочет, чтобы ты стала ее свидетельницей, а это означает, что ты должна приехать домой. Она говорит, что ты можешь остаться на пару дней: на репетицию и на торжество

с приемом, но она будет рада, если ты погостишь подольше. Мы все будем рады, Мэдди. Ты три года не была дома.

Я хотела возразить, что не настолько долго, но знала, что настолько. Знала так же хорошо, как и то, что каждый декабрь моя семья клала рождественские игрушки и пуансетии маме на могилу. И как они ждали наступающего следом января, чтобы отпраздновать день рождения Гарри с месячным опозданием. Это Кэсси придумала разделить оба события, чтобы день рождения младшего из Уорнеров не оставался в тени.

Стук по полу у кровати возвестил о возвращении Колина.

– Не уверена, что смогу, – сказала я, вывешивая жакет с шалевым воротником и большими пуговицами. – У меня очень непредсказуемый рабочий график.

– Мэдисон Уорнер. – Тон моей тети и использование моего полного имени напомнил мне, почему мы называли ее командиршей и почему Нокси попросила позвонить именно ее. – Мы вообще-то говорим о твоей семье. Твоя младшая сестренка, которая всегда равнялась на тебя и которая тебя любит, просит тебя приехать на ее помолвку. Это не такая уж большая просьба, и она должна быть на первом месте.

Я закрыла глаза, но их тут же пришлось открыть, чтобы избавиться от образа кухонного стола, за которым сидели мы все, от образа магнолии перед старым домом, где родилась и выросла наша мать. От образа вечерней ловли светлячков на заднем дворе и банок с арахисовой пастой, на которых

наклеены наши имена.

– Дай мне время подумать.

Тетя Кэсси вздохнула.

– Хорошо. Позвоню тебе завтра. Но, как говорит твой дядя, ответ тут может быть только один, и другого я не приму.

Я открыла было рот, чтобы сказать, что она лишает меня выбора, но она заговорила снова.

– Как твои менструальные циклы?

Звук отрывающейся от картона клейкой ленты заставил меня обратить внимание на стоящего рядом Колина.

– Тетя Кэсси! Ты на громкой связи, и я тут не одна. Мы можем обсудить это в другой раз?

– Мэдди, тут нечего стыдиться. Ты девочка, а у всех девочек бывает менструация. Это жизненный факт. И ты больше кого бы то ни было должна знать, почему так важно быть внимательной к своему телу.

Колин выкладывал одежду из коробки и не смотрел на меня, но у него были уши, и они приобрели любопытный оттенок розового.

– Ну хватит, тетя Кэсси. Давай попозже об этом поговорим, хорошо? Завтра, когда ты мне позвонишь.

– Конечно. Есть еще кое-что. Сэм был на медицинской конференции в Атланте и столкнулся с доктором Грей. Она упомянула, что в ее отделение от твоего врача в Нью-Йорке пришли какие-то твои анализы, но на ее предложение записаться на прием она ответа так и не получила, и поэтому она

начала беспокоиться. Что происходит?

Меня удручала близость Колина.

– Да ничего серьезного, просто анализы крови. Я хотела, чтобы доктор Грей посмотрела их. Ничего страшного.

Я буквально слышала, как мозги Кэсси работают в паузе перед ответом.

– Ну хорошо. Ты сможешь записаться к ней на прием, когда приедешь на помолвку к Нокси. Если ты, конечно, уже не сходила к своему врачу в Нью-Йорке. Хотя я понимаю, почему ты хочешь увидеться именно с доктором Грей. Она через многое прошла с нами, правда?

В телефоне раздался громкий визг, после чего моя пятнадцатилетняя племянница закричала на своего одиннадцатилетнего брата: «Отдай, Сэм-младший! Он мой!» Хлопнула дверь, а затем, еще громче, Сьюзи закричала: «Ты как вошь – никак не прибьешь!»

Я сделала ошибку, когда подняла глаза и увидела взгляд Колина и его вздернутые вверх брови.

– Так, – спокойно проговорила Кэсси. – Я лучше положу трубку, пока тут не началась третья мировая, и пойду посмотрю, что там задумали эти два хулигана, которым я подарила жизнь. Наберу тебя завтра. Люблю тебя.

– И я тебя, – проговорила я, но она уже отключилась. Колин продолжил вытаскивать одежду из коробки, а я все смотрела на телефон и старалась придумать какое-нибудь объяснение нашему разговору.

– Извините.

Я подняла взгляд и с облегчением увидела, что в дверях появилась Лаура.

– Обед готов.

– Прекрасно, – сказала я, – потому что я готова проглотить целую лошадь. – Я подняла глаза: они оба смотрели на меня со странным выражением на лицах. – Простите. Это присказка моего дяди Сэма, которую тетя Кэсси просила меня не повторять.

Лаура улыбнулась.

– Пойду скажу мисс Дюбо, что ты пришла.

Покраснев, я постаралась сообразить, сколько из нашей беседы Колин на самом деле услышал, когда он сказал:

– Интересно, стоит ли мне гуглить слово «вошь» и искать какое-то иное значение, или я все правильно понял?

Я уткнулась в коробку, но недостаточно быстро, чтобы скрыть смешок, сорвавшийся с моих губ. Опустив на кровать очередной ворох одежды, я поймала уголком глаза какой-то блик. Та самая сумочка в форме коробки, которую я обнаружила накануне. Я стянула ее с вешалки и подняла перед собой.

– Смотри, что я нашла. Может, мне ее взять, чтобы начать разговор?

– Конечно, – ответил Колин. – Моя мама вообще-то собрала целую коробку сумочек. Я оставил их в таунхаусе, не думал, что они нам понадобятся. Если Арабелле потребует-

ся больше, мы выясним, где они лежат.

Я кивнула и накинула ручку себе на запястье, обратив внимание на небольшой ремонт: нити веревки скрепляли почти незаметные стежки. Я показала это Колину.

– Эта повреждена, и ее могут не взять на выставку. Будет очень жаль. Она такая красивая и необычная.

– Может, история о том, как она сломалась, сделает ее интересной для демонстрации?

– Именно так, – проговорила я, пораженная его способностью размышлять как писатель.

Мы прошли по коридору в сторону комнат Прешес, остановившись лишь на секунду, чтобы я достала карандаш и блокнот. В плане конспектирования я была консервативна – обожала скрип карандаша по бумаге. Оливер встретил нас в дверях рычанием, пока не увидел Колина, который сгреб его в охапку, видимо, для того, чтобы уберечь мои лодыжки.

– Привет, бабушка, – поприветствовал Колин. – Мы пришли.

Вышла Лаура, поприветствовала нас и забрала собачку.

– Мисс Дюбо на балконе.

Прешес встречала нас за круглым столом кованого железа, одетая в шелковые домашние брюки персикового цвета и тунику с длинными рукавами той же расцветки. Несмотря на то, что стол стоял в тени, она надела соломенную шляпу с огромными полями и ленточкой персикового тона на тulle. Ее глаза скрывали большие солнечные очки. Она похо-

дила на кинозвезду из гламурной эпохи старого Голливуда. Я подождала, пока Колин расцелует ее, а затем приветственно протянула руку ей.

– Глупости, – проговорила она, подставляя щеку для поцелуя. – Мы же родственники, помнишь?

– Конечно.

Я наклонилась поцеловать ее, снова заметив пепельный оттенок ее кожи под макияжем.

– У нас есть сэндвичи с соусом «пименто» на пшеничном хлебе с отрезанной корочкой. – Она с заговорщицким видом наклонилась вперед. – Лаура нашла рецепт в «Южной жизни». Они не так плохи, но и близко не стоят с теми, что раньше готовила моя мама.

Я села на стул, который выдвинул мне Колин, прежде чем сам расположился напротив Прешес, и положила блокнот на колени. Не зная, куда деть сумочку, я аккуратно поставила ее на стол.

Улыбка Прешес поблекла. Ее персиковые губы приоткрылись, но с них не сорвалось ни звука; униженная кольцами рука легла на грудь.

– Вы в порядке? – спросила я с тревогой.

Колин привстал, но она махнула рукой.

– Со мной все отлично. Я просто немного удивлена, вот и все. Она вызвала много воспоминаний. – Она погладила бархат, нежно потеревила один из вышитых листьев, а затем снова разгладила его пальцем. – Разве ты иногда не хочешь,

чтобы вещи могли говорить?

– Хочу.

Я подумала об одежде моей мамы, которая долгие годы провисела в шкафу, прежде чем тетя Кэсси убедила моего папу позволить ей вывезти ее.

– Я так и подумала, – тихо произнесла Прешес. Подняв сумочку, она слегка встряхнула ее. – Интересно, не осталась ли там моя пудреница.

Она подвинула сумочку поближе и неловко попыталась отомкнуть защелку из горного хрусталя.

– Я могу помочь? – спросила я.

Поджав губы, она пристально посмотрела на упрямую защелку, словно хотела открыть ее одной лишь силой мысли. Наконец Прешес кивнула, признав свое поражение. Я крутила и вертела в руках пряжку, пока та не раскрылась, шелкнув. Крышка откинулась, и, дождавшись одобрительного кивка от Прешес, я просунула ладонь вглубь сумочки и выудила тонкую прямоугольную коробочку из серебра, потемневшего до тускло-бронзового цвета.

– Думаю, это портсигар. – Я нажала на узкую кнопочку с краю, и коробочка раскрылась. Еле уловимый аромат табака исчез, едва достигнув моих ноздрей. Одна-единственная сигарета, усохшая и пожелтевшая, наискосок лежала на дне. Я повернула портсигар набок, но прилипшая к своей темнице сигарета не выкатилась.

– Бабушка, ты курила? – спросил Колин, наблюдая, как я

перевернула портсигар, чтобы мы смогли увидеть причудливый орнамент на серебре.

– Нет. – Одинокое слово прозвучало так, словно его протащили по наждачной бумаге. – Это не мое. Он принадлежал подруге.

Она сглотнула.

– Подруге? – переспросила я, подталкивая Прешес к продолжению рассказа.

– Да. Другой модели. Мы утратили связь. Это произошло во время войны, видишь ли. Так легко было утратить связь с друзьями.

Ее рука потянулась к сумочке, и я положила портсигар ей на ладонь. Прешес аккуратно захлопнула его. Ее пальцы неторопливо прошлись по тусклому пятну на крышке, немного приоткрыв рельефную эмблему в центре. Она походила на какое-то насекомое. Коробочка выскользнула из рук Прешес и со стуком упала на стол. Я поймала взгляд Колина, а потом посмотрела снова на Прешес и протянула ладонь к портсигару.

– Вы позволите? – спросила я.

Она колебалась всего мгновение, после чего кивнула. Я подняла коробочку, а затем большими пальцами стала оттирать символику, ощутив себя археологом, когда стала проявляться фигура пчелы. Теперь я могла разглядеть тщательно выгравированные линии полупрозрачных крыльев и полосатого тельца, пушистые сегменты лапок, пару небольших

усиков. Изучив насекомое, я перевернула коробочку, стараясь найти объяснение. Было в этой гравировке что-то столь нарочитое, столь продуманное, что я хотела, чтобы она оказалась не просто украшением.

Я снова потеряла тусклое пятно большими пальцами, приоткрыв фирменный символ английского фунта в одном углу и строку крошечных слов по нижнему краю. NIL CREDAM ET OMNIA CAVEBO. Я знала достаточно, чтобы определить, что это латынь. Но не пройдя курса латыни ни в Уолтонской средней школе (и я почему-то сомневалась, что он там вообще имелся), ни в колледже, я понятия не имела, что это означало.

Я выставила портсигар перед собой, чтобы Колин и Прешес смогли увидеть надпись.

– Кто-нибудь знает, что это значит?

Колин кивнул.

– Дай мне минутку. – Он молча прочитал слова, двигая глазами слева направо, а затем в обратном направлении. – Это старая латинская поговорка, которую я когда-то в школе читал. Если примерно перевести, думаю, это означает: «Я ничему не верю и буду защищаться от всего».

Прешес подалась вперед, взяла в руки тонкую коробочку и крепко сжала ее.

– Предай сама, прежде чем предали тебя.

– И это принадлежало вашей подруге? – спросила я.

Прешес сняла очки: бледные пальцы дрожали, а голубые

глаза казались яркими пятнами на фоне белизны ее кожи. Она медленно кивнула.

– Ее звали Ева. Именно она мне и рассказала, что это означает. – Ее губ коснулась тень улыбки и тут же исчезла. – Мы были как сестры. – Она опустила глаза, изучая пчелу на портсигаре.

Предай сама, прежде чем предали тебя. Эти слова крутились у меня в голове. Интересно, что же они значили? И почему эта Ева выгравировала их на своем портсигаре? Меня осенило.

– Прешес, Ева ведь все еще может быть жива. А раз вы обе были моделями, я бы с радостью взяла интервью для статьи у вас обеих. У нее ведь может сохраниться и ее собственная коллекция одежды! Хотите, чтобы я нашла ее?

Глаза Прешес затуманились, но не из-за слез. Казалось, какие-то давние воспоминания пытались вернуться, а она закрывала ставни, чтобы не видеть их.

– То, что человек пропал, еще не значит, что он хочет, чтобы его нашли.

Колин подался вперед.

– Но вы же были как сестры. Разве ты не хочешь снова увидеть ее?

– Это было бы интересно, – добавила я. – Две подруги обсуждают моду во время войны и на протяжении десятилетий.

Прешес посмотрела мне в глаза; в ее собственных глазах, словно неуловимые призраки, промелькнули тени.

– Да, Мэдди. Ты права. – Она сделала глубокий вдох. – И мне кажется, ты именно тот человек. Чтобы найти Еву. Чтобы рассказать наши истории. Для наших семей. Ты понимаешь, верно?

Я кивнула, потому что действительно понимала. Истории, которые передавались из поколения в поколение, служили краеугольным камнем традиций семьи южан. И будет правильно, что я как кровная родственница – пусть и весьма далекая – расскажу ее историю.

– И даже если я не смогу разыскать Еву, вы сможете включить ее в свою историю, и так она останется в памяти.

– И так она останется в памяти, – повторила Прешес. Улыбка коснулась ее окрашенных в персиковый цвет губ. – Мне это нравится. Очень нравится.

Несмотря на уверенность в ее словах, я все еще видела тени в ее глазах. *Горе – как призрак.*

– Хорошо, – проговорила я. – Сегодня и начну.

Колин наклонился вперед.

– А как ее фамилия?

– Попробую вспомнить. Это было так давно. – Прешес положила ладони на край стола. – Я себя плохо чувствую. С вашего позволения, я прилягу. – Колин отодвинул ее стул и помог ей встать. Она одарила меня неуверенной улыбкой. – Я попрошу Лауру упаковать вам сэндвичи с «пименто», чтобы вы могли устроить пикник в Риджентс-Парк. Сады Королевы Марии просто очаровательны в это время года. Было

бы обидно потратить напрасно такой прекрасный денек. Я дам тебе знать, когда буду готова к следующей беседе. Может быть, вечером или завтра утром. Но у тебя для вдохновения есть все эти наряды. Выбери тот, который тебе покажется наиболее интересным, с него и начнем.

Тоже поднявшись, я встретила с Колином взглядами, но он лишь коротко покачал головой, провожая Прешес в комнату. Я взяла портсигар, чтобы положить его в сумочку, и заметила ярлык, вышитый на атласной подкладке. Прочитать написанное было сложно, но стежки когда-то сделали золотой нитью, и солнечный свет выхватил буквы:

ДОМ ЛУШТАК, ЛОНДОН

Я застегнула пряжку, а в голове эхом прозвучали слова Прешес. *То, что человек пропал, еще не значит, что он хочет, чтобы его нашли.*

Скользнув взглядом по крышам террасных домов в сторону парка, я постаралась представить, как с неба падают бомбы, а воздух наполняют пламя и осколки. И не смогла. Двойственные образы были слишком несовместимы, словно песок и море.

Я внесла сумочку в дом и закрыла за собой дверь балкона, размышляя, почему Ева, где бы она ни была, решила остаться пропавшей.

Глава 7

Лондон

март 1939 года

Ева остановилась перевести дыхание у дверей кафе «Хорват»: она переводила взгляд с нарисованных на стекле витрины букв, рекламирующих «Завтраки рабочего», «Хорликс» и «Боврил», на свое отражение. Она опаздывала на встречу с мистером Данеком, но ей не терпелось показать ему свой новый образ и получить одобрение по поводу шикарного наряда, на который она потратила почти всю свою зарплату. Это было глупо, она понимала. Но наряд был ее вкладом в будущее. Если она хотела повысить собственный статус в обществе, ей было необходимо приодеться для своей новой роли.

Она вошла. Снимая пальто, она заметила, что в кафе что-то изменилось, а разговоры на беглом чешском внезапно прервались и растворились, словно тайна, в клубах сигаретного дыма, висевшего над небольшими столиками.

Затем из-за непрозрачной стеклянной барной стойки кто-то выкрикнул заказ на английском, и все снова стало как обычно. Почти. Ева выбросила из головы ощущение, что она что-то прервала, желая как можно скорее поделиться подробностями последних двух недель с мистером Данеком.

– Ева.

Она повернулась на оклик. Расправив плечи, она двину-

лась к столику в дальней части кафе, аккуратно вышагивая в своих новых замшевых туфлях и ощущая на себе взгляды всех посетителей. Она чувствовала внимание людей по пути на остановку, от остановки и в автобусе. Как мужчины, так и женщины смотрели на нее так, словно она какой-нибудь приз, который нужно выиграть. Или мечта, которую нужно воплотить.

И она была и тем, и другим. Она была леди Блейкни из фильма «Алый первоцвет», предметом зависти. Умной и красивой женщиной, вызывающей у всех восхищение; женщиной, способной привлечь внимание интеллигентного и благородного мужчины со средствами.

При ее появлении мистер Данек встал с места, преисполненный искренним восхищением. Слишком высоко витая в облаках эйфории и не насторожившись поэтому от приглушенных голосов в кафе или от мятой газеты на столе, Ева покружилась, щеголяя шикарным светло-голубым костюмом-двойкой. Превосходно скроенный, он идеально сидел на ней; очаровательный красный бант на кармане и точно такой же слева на груди облегчали однотонность цвета. Фетровая шляпка с загнутыми краями и пальто под стать ей, небрежно перекинутое через руку, создавали ощущение, что Ева нарядилась для чаепития в королевском дворце. Лайковые перчатки и сумочка Прешес послужили – со слов самой Прешес – восклицательным знаком в конце предложения. И, поворачиваясь еще раз, Ева совершенно точно понимала,

что Прешес имела в виду.

– Ты выглядишь сногсшибательно, – проговорил мистер Данек, выдвигая ей стул. – Но, надеюсь, ты оставила немного денег на еду.

Ева рассмеялась, но мистер Данек не поддержал ее. В этот момент она и заметила за столом другого мужчину, почти скрытого занавесой табачного дыма. С круглого, красного от оспин лица на нее смотрели, не отрываясь, два темных глаза. Сшитый на заказ пиджак идеально сидел на широких плечах и крупных, мускулистых руках мужчины. Он не поднялся при ее приближении, а в его взгляде читался лишь легкий интерес, словно перед ним ползла ничтожная букашка.

– Ева, это еще один мой соотечественник, Иржи Земан.

Незнакомец посмотрел на нее. В его взгляде не читалось ни угрозы, ни дружелюбия. Руки он не подал.

– Ева Харлоу, – проговорила Ева с натянутой улыбкой.

– Приятно познакомиться с вами. – Голос Иржи оказался тоньше, чем она ожидала. Он подвинул стул, освобождая место. – Антон мне о вас рассказывал.

Ева, не произнеся ни слова, снова улыбнулась и принялась сосредоточенно расправлять юбку на стуле, не желая признаваться себе в том, что ей-то мистер Данек ни разу не говорил про него.

Мистер Данек выкрикнул что-то на чешском бармену, и на столе перед Евой появилась чашка дымящегося кофе.

– Я бы сделал комплимент твоему макияжу, – проговорил

он, – но мне кажется, лицо у тебя сияет от чего-то другого.

– Я влюбилась, – сообщила Ева чуть громче, чем хотела. Конечно же, она не собиралась сообщать об этом в присутствии незнакомца. Но ее это не волновало. Впервые в жизни она поняла, из-за чего возникала вся эта суматоха в кинофильмах, которые она смотрела в кинотеатрах.

Иржи ничего не сказал, а лишь продолжал смотреть на нее со странной улыбкой. Мистер Данек откинулся на стуле и поднес сигарету к губам. У него красивые руки, подумала Ева. Впервые она заметила их, когда он наносил макияж одной из моделей. Это были руки пианиста или художника. Однажды она сказала ему об этом, а он окинул ее таким грустным взглядом, что она тут же пожалела, что не промолчала. И только спустя какое-то время, когда они собирали наборы для макияжа, он сказал ей, что учился музыке в Карловом университете в Праге, но был вынужден забросить и фортепиано, и свои амбиции, когда умерла его жена. Оставшись один, он перебрался в Англию. Когда Ева спросила, почему, он ответил, что уехал, пока еще мог выбирать.

– А-а-а, – протянул мистер Данек. – Теперь понятно, почему ты так мило зарделась. – Его лицо помрачнело. – Приятно осознавать, что любовь еще существует в наши дни, когда по всему миру творятся такие ужасные вещи.

Теперь Ева заметила измятый экземпляр «Дейли Миррор» на столе. Она развернула его и прочитала набранный жирным шрифтом заголовок: «ГИТЛЕР ПРИБЫВАЕТ В

ПРАГУ». Она снова подняла глаза на мистера Данека, жалея, что обращала внимание на дикторов Би-би-си только для того, чтобы скопировать их произношение. Не то чтобы она не интересовалась событиями в мире; она интересовалась. Просто все это казалось таким далеким от того счастья, которое она испытывала впервые в жизни. Ева указала пальцем в строку вводного абзаца.

– Тут говорится, что вторжение было бескровным.

Внезапно из-за соседнего столика поднялся невысокий темноволосый мужчина.

– Бескровным? – Он шумно выдохнул. С сильным, как у мистера Данека, акцентом, он произнес: – Попомните мои слова – это лишь начало. – Он ткнул в сторону Евы коротким пальцем. – Ваш Чемберлен и его Мюнхенское соглашение, которые говорят, что отдать Судетскую область Гитлеру – это «мир для нашего времени». – Он брезгливо помотал головой. – Все, что он сделал, – это скормил тирану небольшую часть моей страны, и от этого тиран захотел еще больше. Теперь он забрал всю Чехословакию и все еще голоден. Кто следующий, а? Посмотрите, что он сделал с Австрией, как евреев повыкидывали с их должностей, а их синагоги и дома сожгли. Он намеревается поглотить всю Европу, пока в ней не останется ни одного еврея.

Он наклонился к Еве. Она чувствовала в его дыхании запах кофе и сигарет.

– Гитлер не остановится, пока не переедет в Букингем-

ский дворец. И это будет не бескровно. Помяните мое слово.

Мужчина бросил деньги на столик и удалился из кафе, громко хлопнув дверью. Удивленно повернувшись на странный звук поблизости, Ева увидела Иржи. Он, как оказалось, смеялся. Но это был не тот выражающий радость смех, к которому она привыкла, а болезненный, захлебывающийся звук, словно Иржи только что проглотил что-то горькое.

Наклонившись вперед и затушив сигарету в пепельнице, Иржи произнес:

– Невоспитанные и невежественные люди будут всегда. И они никогда не увидят историю со всех сторон.

Ева обнаружила, что не может смотреть на него. Вместо этого она принялась разглядывать кофейники – разношерстную коллекцию всех размеров, форм и цветов, – расставленные на длинной полке над стойкой. Мужчина, вылетевший из кафе, хлопнув дверью, показался ей не невеждой, а человеком, страстно отстаивающим свои убеждения и более сведущим в ситуации, которую она посчитала недостаточно серьезной, так как лично ее она не затрагивала. У нее защищало глаза от стыда, и ей пришлось подождать, пока зрение не прояснится настолько, чтобы можно было прочесть меню на стене. Только после этого она повернулась к мистеру Данеку.

– Это правда? Все так ужасно, как сказал этот мужчина?

– Мы с Иржи как раз это и обсуждали. Верно?

Иржи закурил еще одну сигарету резким и решительным

жестом.

– Это то, что ты называешь «говорить не умолкая»? – Он выпустил изо рта целое облако дыма. – Если прерывать того, кто пытается высказать свое мнение, то и не будет противоположной точки зрения, да?

Мистер Данек вымученно улыбнулся Еве.

– Ситуация в нашей стране беспокоит многих. Кто-то видит в ней что-то хорошее. Другие видят в этом иностранное вторжение. Иржи достаточно тверд в своих взглядах. Он надеется переубедить и меня и других. – Он улыбнулся, и Ева попыталась притвориться, что не заметила, как ей не хватает всеобщего восхищения, к которому она уже привыкла. – Я же предпочитаю подождать и посмотреть, чтобы сформировать собственное мнение.

Иржи, встал, стукнув стулом о стол.

– А я предпочитаю разговаривать с человеком не столь твердолобым. – Он слегка поклонился Еве. – Мисс Харлоу, – произнес он и вышел.

Он на удивление легко двигался, создавая впечатление танцующей гориллы.

– Иржи руководил большой конюшней в поместье под Карловыми Варами в Судетской области, которым владел дядя нашего общего друга. Он объезжал лошадей.

Мистер Данек выпустил дым изо рта, подчеркивая значимость своих слов.

– Он уехал из Чехословакии потому же, почему и вы?

– Что-то вроде. Но достаточно о грустном.

Стараясь скрыть облегчение, Ева потянулась в сумочку Прешес за сигаретой «Матини». Она купила их только из-за рекламного сообщения в газете, гласившего, что умные женщины курят такие сигареты.

Ее пальцы дрожали, и она с удивлением почувствовала, как ей на руку опустилась ладонь мистера Данека. Их глаза встретились, и он улыбнулся.

– Не стоит стыдиться того, что у тебя в голове другие вещи, Ева. Твоя работа – делать мир прекрасным. Красота всегда желанна, даже в тяжелые времена. Любовь и красота стоят того, чтобы их оберегать. Именно они проливают свет на этот мрачный мир.

– Спасибо вам за ваши слова.

Нахмурившись, Ева опустила взгляд на свой портсигар. Она отыскала его в благотворительном магазине; на нем были выгравированы чужие инициалы, и она хорошо сторговалась. Теперь же одна петля сломалась, и незакрепленные сигареты вываливались в сумочку. Она вздохнула и подняла портсигар, чтобы показать мистеру Данеку. – Придется ждать следующей зарплаты и покупать новый.

– Или кто-нибудь подарит тебе новый. Например, твой ухажер. Расскажи мне – кто он?

Ева почувствовала, как при одной лишь мысли о Грэме ее щеки запылали. Они дважды ходили в ресторан, танцевали в «Кафе де Пари» и слушали концерт на открытом возду-

хе в Риджентс-Парке. Еще они пошли покататься в парке на лодках, но обнаружили, что озеро закрыто до конца марта. Пошел дождь, и к тому времени, когда они нашли укрытие на скамейке под большим ясенем, оба промокли насквозь. Он целовал ее, и его губы были мягкими и нежными – все происходило именно так, как Ева себе представляла. Она ощущала на своих губах его вкус: вкус дождя и зноя, вкус прошедшей зимы и молодой весны, – и ей хотелось раствориться в нем и кануть в их новый мир под прикрытием листьев ясеня.

– Он очарователен, – проговорила Ева, представляя себе не только зеленые глаза и широкие плечи Грэма, но и звук его голоса, произносящего ее имя, и его чуть кривоватую улыбку, и ямочку на подбородке. А еще ей нравился небольшой шрам над левой бровью – в восемь лет он упал с дерева, пытаясь спасти котенка сестры. Все для нее было вновь. То, как ее грудь пылала, когда он был рядом, как покалывало кожу, когда он смотрел на нее. То, как целый мир теперь, казалось, наполнял свет, а прошлое казалось лишь бледной тенью за ее спиной.

Откашлявшись, она продолжила:

– Его зовут мистер Грэм Сейнт-Джон. Последние два года он служил в Дипломатическом корпусе в Рангуне, столице Бирмы, и только что вернулся в Лондон. Он работает на Уайтхолл, в Министерстве внутренних дел. Точно не знаю, кем именно – что-то связанное с противопожарной си-

стемой. Он говорит, что не хочет утомлять меня всякой рутинной. Он остановился у своей сестры Софии в особняке их родителей на Беркли-Сквер, пока не подобрал себе квартиру. София собирается замуж в июле, и ее родители отдают дом ей и ее жениху Дэвиду в качестве свадебного подарка.

Официант поставил еще одну чашку перед мистером Данеком. Мистер Данек несколько секунд смотрел на кофе, а потом снова поднял глаза.

– Ты же позволишь мне сделать тебе макияж на твою свадьбу, да?

Ева поднесла чашку к губам, чтобы скрыть свое настроение, не желая, чтобы он увидел надежду на ее лице. Было слишком рано надеяться на что-то.

– Когда – и если – я действительно буду выходить замуж, мистер Данек, обещаю, что никому, кроме вас, не доверю мой макияж.

Внезапно ее озарило.

– София на следующей неделе устраивает званый вечер и пригласила меня – официально мы еще не знакомы. Вы же не откажетесь сделать мне макияж на это мероприятие? Я хочу выглядеть лучше всех.

– Конечно, – ответил мистер Данек, наклонившись вперед, чтобы затушить сигарету в пепельнице. Затем снова откинулся назад и положил ногу на ногу. – Я обязан спросить. Значит ли это, что твой мистер Сейнт-Джон знает об Этель Молтби? Он и его любезная сестра София принимают твое

прошлое?

Пальцы Евы замерли на ручке чашки. Она так сильно жала ее, что пришлось опустить ее на стол, чтобы не разбить.

– Нет, – тихо проговорила она. Подняв глаза на мистера Данека, она более уверенно произнесла: – По крайней мере, пока. Я не хотела все испортить. Мне кажется, что он чувствует ко мне то же самое, но мне нужно больше времени, чтобы понять наверняка. – Она закусила губу. – Я сказала Грэму, что я – единственный ребенок в семье врача и его жены из Девона. Сказала, что мои родители погибли в автомобильной аварии и что у меня не было другой родни и средств к существованию, поэтому я приехала в Лондон, чтобы достойно зарабатывать на жизнь в качестве модели.

– И что Грэм на это сказал? Дочери сельских врачей обычно не оказываются в столь же высоком обществе, что и Сейнт-Джоны.

Ева выпрямилась и расправила плечи.

– Грэм сказал, что ему нравится моя находчивость и он восхищается моей отвагой. А еще он сказал, что уж если он считает меня замечательной и достойной, то и София будет так считать. Они очень близки.

Глаза мистера Данека лучились доброжелательностью, смягчавшей резкость его слов.

– Но ведь ты же скажешь ему правду, да? Потому что ложь – не лучший фундамент для любых отношений. Она может разрушить все, что на ней построено.

– Я скажу ему. Обязательно. Мне просто нужно больше времени, чтобы убедиться в его чувствах ко мне.

Мистер Данек сузил глаза.

– Ты очень умная девушка, Ева. И очень амбициозная. И то и другое достойно восхищения. – Он опустил ногу на пол. – Только не забывай о благоразумии.

Она рассердилась.

– Я всегда благоразумна. Всегда. Я бы не смогла пройти весь этот путь без него, верно ведь? – С ужасом она поняла, что в ее речи зазвучал йоркширский акцент. Иногда так бывало – в минуты усталости или раздражения. Ей следовало быть осмотрительней. Особенно с учетом приближающегося званого ужина у Софии.

Мистер Данек достал еще одну сигарету и снова закурил.

– Можешь еще что-нибудь рассказать мне о своем Грэме? Уважь меня, Ева. Мне кажется, я неплохо вжился в роль отца.

Ева, признательная за появившуюся в его голосе мягкость, улыбнулась. Она отпила кофе, обдумывая ответ.

– Он очень интересуется архитектурой, и его мама желала бы его видеть не чиновником, а архитектором. Ей кажется, что эта профессия более благопристойна.

Мистер Данек выпустил кольца из дыма, и Ева смотрела, как они поднимались к потолку, пока не растаяли в воздухе. Она торопливо заговорила, желая направить беседу в нужное русло.

– Грэм обещал взять меня в июле на крикетный матч между Итоном и Хэрроу в Лордз Крикет-Граунд. Он посещал Итоном и очень гордится тем, что Итон побеждает уже тридцать один год. Должно быть, будет потрясающе.

– Ты поклонница крикета?

На этот раз улыбка мистера Данека выглядела искренней.

– Я о нем ничего не знаю, но Фрея обещала научить меня, чтобы я не выглядела невеждой. У нее три брата, и все они играют. Она посетила больше матчей, чем хочет вспоминать.

– А Фрея? Она сделает это бесплатно?

Ева покачала головой.

– Нет. Взамен я позволю ей взять мое новое пальто с воротником из лисьего меха на два вечера по ее выбору. Я решила, что сделка справедливая.

Мистер Данек задумчиво курил, глядя на нее чуть сузившимися глазами. Это заставляло Еву нервничать, словно она неправильно ответила на экзамене.

– Чья это была идея – предложить плату, – твоя или ее?

– Конечно, моя, – с гордостью проговорила Ева. – Никто ничего не получает просто так. Так это не делается.

– Значит, ты всегда ждешь плату за доброту?

Ей показалось, что он над ней смеется. Ева почувствовала, что краснеет.

– Я оплачу вам макияж.

Мистер Данек помахал рукой в воздухе.

– Я не приму платы. Это подарок, который дается просто

так. Так и должно быть между друзьями, да?

– Да, конечно.

– Тогда позволь, я дам тебе бесплатный совет как друг.

Ева разозлилась, с горечью понимая, что не смогла про- вести мистера Данека. Она подумала было встать и выйти из кафе, но вместо этого осталась на месте и кивнула.

– В моей стране есть старая присказка: *Šeho nelze předělati, darmo na to žehрати*. В вольном переводе это означает: принимай мир таким, какой он есть.

Ева нахмурилась, не понимая. У нее всегда лучше получалось с однозначными вещами, с цифрами и точными ценами на товары. Поговорки и присказки были для нее словно сказки матери, которые та рассказывала ей в детстве, – истории о придуманных людях в воображаемых мирах, которые не имели никакого отношения к тому, как заполнить желудок.

Мистер Данек взял ее ладонь в свою.

– Это означает, что ты не можешь контролировать все, Ева. Пусть все происходит, как должно, иначе ты сойдешь с ума.

Ее злость вырвалась наружу, и она заговорила, прежде чем успела обдумать свои слова.

– Как с вашей страной? Зачем бороться с Гитлером, если он все равно победит?

Мистер Данек продолжал улыбаться.

– Быть может, тут речь скорее о выборе того, что для нас

важнее всего. И о выборе времени борьбы за наши убеждения. Ты, Ева, еще слишком молода и красива, чтобы заниматься сейчас чем-то иным вместо получения удовольствия от жизни. – Его лицо помрачнело. – Жизнь коротка и непредсказуема. Наслаждайся ею, пока можешь.

Она опустила глаза на свои руки.

– Я люблю Грэма. И не хочу, чтобы что-то менялось.

– Все всегда меняется, Ева. Ты не можешь контролировать изменения. Ты можешь лишь подготовиться к ним.

Она не очень хорошо поняла, что он имел в виду, но ей очень захотелось уйти, прежде чем его слова проникнут слишком глубоко в ее сознание.

– Мне нужно бежать. До свидания, мистер Данек. Скоро еще пообщаемся!

Она встала и быстро пошла к выходу.

Мистер Данек крикнул ей вдогонку:

– У меня есть для тебя помада. Совершенно новая, от «Макс Фактор», такая есть только в Голливуде. Говорят, ее обожает Кэрол Ломбард.

Ева хотела уйти, показать ему, что ей плевать на помаду, что ее не соблазнишь подарком. Но он снял колпачок и показал ей насыщенный вишнево-красный оттенок, идеально подходящий к платью, которое она собиралась надеть на званый вечер Софии. Против собственной воли Ева вернулась к столику, а ее рука протянулась, чтобы взять тюбик, еще до того как она смогла запретить себе брать его.

– Она прекрасна, – проговорила она. – Благодарю вас. – Она снова повернулась к двери, но остановилась. – Мистер Данек, не в моих правилах давать миру действовать, как ему заблагорассудится. Если бы это было не так, я бы сейчас стирала белье вместе со своей матерью в Йоркшире.

– Это вызывает восхищение. Такое мужество сослужит тебе хорошую службу. И твой мистер Сейнт-Джон согласился бы со мной. Если бы знал, конечно.

Еве хотелось разозлиться на него за критику. Но в его взгляде было так много отчаяния и грусти, что она сдержалась. Такое же выражение она видела в глазах своей матери, которые с каждым годом, казалось, омрачались все больше – до такой степени, что Ева уже решила: если она не уедет, то утонет в отраженном в них страдании.

– До свидания, мистер Данек. И еще раз спасибо за помаду, – вместо этого сказала она и вышла из кафе.

Она шла по тротуару. Шуршание ее новой юбки и постукивание новых замшевых туфель снова подняли ей настроение, так, что она почти забыла грусть в глазах мистера Данека и все, что он ей сказал. Почти забыла.

Глава 8

Лондон

май 2019 года

И снова я летела по шоссе с Арабеллой в ее красном «БМВ» – на этот раз в направлении дома родителей Колина в Гилфорде, графство Суррей. Мой телефон зажужжал, но мне не было нужды смотреть на него – я и так знала: снова звонила Кэсси, чтобы узнать, приеду ли я домой на Рождество и свадьбу Нокси. Уж если я что и знала о своей тете, так это то, что она упрямее термита в ветхом амбаре.

Стоял теплый и солнечный денек – точнее, теплый и солнечный для весенней Англии, – и Арабелла опустила крышу. Когда навстречу нам пронеслась очередная машина, я различила уже привычные шокированные лица пассажиров внутри.

– В Соединенном Королевстве ведь существует ограничение скорости, да? – спросила я, стараясь перекричать ветер.

Арабелла, казалось, всерьез задумалась.

– Думаю, да. – Ее телефон, лежащий в подстаканнике, зазвенел. – Ты можешь взять трубку и попросить, чтобы они позвонили моей помощнице? Я ей дала указание отвечать сегодня на все мои звонки, пока я работаю вне офиса.

Я искоса посмотрела на нее, а затем перевела взгляд на экран. Мы поехали в командировку, чтобы найти пропав-

шую подругу Прешес, Еву, и выяснить все возможное о прошлом Прешес. Арабелла видела, как ее идея для статьи перерастает в нечто гораздо большее, чем кто-либо из нас мог себе представить вначале: то, что изначально планировалось просто статьей о моде до и во время войны, теперь разрослось до более личного взгляда на жизни, влюбленности и дружбу людей, которые сами это пережили. Именно поэтому мы направлялись в Суррей и именно поэтому она имела право называть нашу поездку «работой вне офиса».

– Какой-то Уил. Фотографии нет.

Щеки Арабеллы зарделись.

– А, ну хорошо. Можешь тогда ответить ему сообщением, что я перезвоню ему позже?

– Конечно, – проговорила я, нажимая на экран. Я не стала спрашивать, кто такой Уил. Не то чтобы я не интересовалась – я, конечно же, интересовалась. Просто мне не нравилось потом отвечать взаимностью, рассказывая о себе. Кроме того, я знала, что в конце концов она мне все расскажет.

– А что в той сумке? – спросила Арабелла, указывая на заднее сиденье.

– Вчерашний пикник. Лаура приготовила его для меня с Колином, но ему пришлось возвращаться в офис. Поэтому я взяла его для нас. Ты ведь любишь «пименто», да?

Она скривила мордочку, чему я тихо порадовалась – это значило, что мне больше достанется.

– Думаю, нам она не пригодится. Ехать чуть больше часа,

а тетья Пенелопа ждет нас на обед. – Она окинула меня взглядом. – До сих пор не понимаю, почему Колин не пришел. Он говорил, что ему интересно помочь нам в расследовании, и вроде бы это его действительно увлекло.

Я не ответила, продолжая сосредоточенно смотреть на стремительно исчезающий асфальт перед нами. Сквозь ветер я расслышала, как она вздохнула.

– Он что, не знает?

Я отвернулась, чтобы она не увидела виноватого выражения моего лица.

– Когда я предложила попросить его мать помочь нам найти Еву, Колин сказал, что это хорошая мысль, но, наверное, стоит подождать до выходных из-за его работы. А я ждать не хотела, поэтому позвонила тебе.

И это было чистейшей правдой. Правда, я не упомянула, что не хотела проводить времени с Колином больше, чем необходимо. Было между нами что-то неразрешенное, туман, который вот-вот мог рассеяться. Меня все устраивало в нынешнем виде, потому что в Колине Элиоте всегда было нечто способное изменить мое решение, касающееся взаимоотношений.

– Значит, я оказалась злодейкой. Умно, Мэдди. Или, скорее, даже вероломно.

– Я пытаюсь сделать свою работу и осчастливить старую леди, найдя ее давно потерянную подругу. Где тут вероломство?

Арабелла состроила рожицу.

– Мы обе с тобой знаем, что тут скорее дело в тебе и тех чувствах, о которых ты не говоришь. Просто знай, что Колин не обрадуется, когда узнает, что ты действуешь у него за спиной.

– Я? – с невинным видом переспросила я. – Это же ты звонила его матери.

Она свирепо зыркнула на меня, а затем сосредоточилась на дороге.

Чтобы поменять тему, я произнесла:

– Я никогда не была в загородном доме его родителей. Он старый?

– Да, довольно-таки старый. Изначально на территории стояло средневековое поместье, но в шестнадцатом веке родоначальник Сейнт-Джонов построил этот дом. И он с тех пор всегда принадлежал семье.

– Ух ты. А я-то думала, что дом моего деда старый. Его построили в середине девятнадцатого века.

– Все равно довольно старый по американским меркам, – снисходительно проговорила Арабелла. – Но держу пари, Овенден-Парк видел побольше почетных гостей.

– Овенден-Парк? У дома Колина есть название?

– О да. А еще есть молочная ферма. Вообще-то дом называется Овенден-Холл, а все остальное поместье – Овенден-Парк. Мы можем сходить погладить парочку коров, если будет время. Ты же слышала об овенденском мороженом?

Она съезжала с дороги, дав мне несколько секунд подумать.

– Почему я раньше ничего об этом не слышала?

– Ты же никогда и не спрашивала, так ведь? Ты и о себе не особенно откровенничаешь. Если бы не твой акцент и не моя удивительная способность к дедукции, мы бы даже не узнали, что ты из Америки. Что касается Колина... ну, у него тоже свои причины. Хорошо, что у вас двоих есть я, иначе вы бы никогда не познакомились.

Я молчала, пока она маневрировала по узкой улочке, окруженной с обеих сторон густой живой изгородью, которая грозила оторвать наружные зеркала.

– Ты упомянула почетных гостей.

– Ну, как-то раз приходила Королева Елизавета Первая, и пару раз, по-моему, ее наследник – Король Яков Первый.

– Твоя взяла, – сказала я. – Генерал Шерман со своей армией промаршировал мимо дома моего деда во время похода к морю в Гражданскую войну, но не остановился там. По крайней мере, я об этом ничего не знаю. И он не поджег дом⁸, что было довольно мило с его стороны. Легенда гласит, что моя пра-пра-бог-ее-знает-какая-бабушка встретила его с метлой в руках на крыльце, и он был так поражен ее отвагой и красотой, что приказал не причинять вреда дому и его жильцам.

⁸ Генерал Шерман печально известен применением тактики «выжженной земли».

– Ну, это уже кое-что, – с ослепительной улыбкой заявила Арабелла.

– Да, наверное, – проговорила я. От мысли о доме защемило сердце, и именно в этот момент снова зажуужжал мой телефон.

– Не возьмешь? – спросила Арабелла.

Я отключила звук и убрала телефон в сумочку.

– Не сейчас. Позвоню ей позже.

– Ей?

– Моей тете Кэсси.

– Твоей тете Кэсси? Так у тебя есть тетя?

– Сестра моей матери. Я о ней точно рассказывала. Она теперь живет в доме моего деда. – Я подалась вперед и посмотрела сквозь ветровое стекло. – Долго еще? Я с голоду умираю.

– Нет, вроде не упоминала. Наверное, что-то срочное, раз она продолжает звонить. Мы уже почти приехали, но я могу ехать помедленнее – ты как раз сможешь перезвонить.

Я вздохнула.

– Это не срочно. Она просто хочет узнать, приеду ли я на Рождество. Моя сестра выходит замуж.

– По мне, ответ несложный, – сказала Арабелла, останавливая машину перед воротами, за которыми пасся скот.

– Я открою, – ответила я, желая закончить разговор. Арабелла отлично умела копаться в душе. Я же получила достаточно профессиональной терапии и знала: то, что во мне не

так, исправить нельзя. Выйдя из машины, я вдохнула знакомый аромат пропитанной солнцем травы и еще один запах, который, видимо, относился к коровам. Не совсем уж неприятный, но определенно грубее привычного. Я отперла ворота и вернулась в машину, избегая взгляда Арабеллы, уверенная, что она все еще ждет объяснения, почему я не хочу ехать домой.

Мы не произнесли ни слова, пока ехали по гравийной дороге, снизив скорость из-за камешков, царапающих красную краску «БМВ». Затем за изгибом дороги появился дом, и я – что со мной случалось крайне редко – потеряла дар речи. Это был даже не дом, а скорее монастырь, как в «Аббатстве Даунтон»: белокаменный, с многочисленными флигелями по обе стороны от главного входа, шестью дымовыми трубами и с таким количеством крутых фронтонов на двускатной крыше, что их трудно пересчитать. Окон с множеством маленьких секций было больше, чем камня, и я тут же представила себе счет за тепло зимой.

Арабелла въехала на широкую круговую дорожку и припарковалась перед главным входом, расположенным под массивным полуфронтоном и рифленным веерным окном. Стоящие вплотную к дому каменные колонны с каннелюрами обрамляли дверь и при этом совершенно не контрастировали с яркостью, которую придавали входу расположенные по обе стороны от него горшки с живыми цветами. К двери поднимались две истертые мраморные ступени, и прежде

чем я смогла предложить войти через задний вход, дверь распахнулась, и на пороге появилась высокая стройная женщина под семьдесят. Она была одета в штаны для верховой езды и белую блузку на пуговицах; на ее морщинистом лице играла широкая приветливая улыбка. Я вспомнила, что родители Колина были старше, хотя в этой женщине чувствовалась молодость, не вяжущаяся с возрастом. На штанах для верховой езды виднелись пятна грязи, но вместо сапог для езды она надела сабо.

– Все четко по расписанию! Я только что вынула киш⁹ из духовки и раздумывала, достаточно ли тепло, чтобы расположиться в саду за домом.

Она обменялась с Арабеллой поцелуями, а затем повернулась ко мне.

– Тетя Пенелопа, это Мэдди Уорнер, моя и Колина школьная подруга с Оксфорда.

Я хотела поправить ее, что настоящей подругой Колину я не была, но прежде чем я успела открыть рот, тетя Пенелопа взяла мои руки в свои и тепло улыбнулась мне.

– Это ведь ты сделала те прекрасные фотографии Арабеллы и Колина в университете, верно? У тебя настоящий талант.

Я уже и забыла те ознакомительные попытки заняться портретной съемкой, скорее всего, из-за того, что у меня не сохранилось ни одной фотографии.

⁹ Блюдо французской кухни, вид открытого пирога.

– Благодарю вас, – проговорила я, стараясь скрыть свое удивление. – Приятно с вами познакомиться, миссис Элиот.

– Прошу тебя, зови меня Пенелопой. Могу я называть тебя Мэдисон? У меня ощущение, что мы с тобой давно знакомы, хотя мы же никогда с тобой не встречались, верно?

– Да, уверена, что не встречались. И называйте меня Мэди. Все друзья меня так зовут.

Между ее бровей пролегла морщинка.

– Все, кроме Колина?

Не дожидаясь ответа, она проводила нас в невероятно величественный и светлый вестибюль, походивший на собор.

– Прошу прощения за свой наряд. Фрида, моя кобыла, поскользнулась во время утренней прогулки, и я отвела ее обратно. Увы, времени переодеться не хватило. Надеюсь, мой знаменитый киш загладит мою вину.

Она рассмеялась грудным фыркающим смехом, который никак не вязался с образом мамы Колина.

Ее смех и улыбка были столь заразительными, что я не удержалась и улыбнулась в ответ. У Пенелопы было милое, свежее лицо женщины, любящей чистый воздух и живущей в климате, позволяющем находиться под солнцем без риска получить солнечный ожог. Россыпь мелких морщинок покрывала лоб и пряталась в уголках глаз. Я решила, что последнее – из-за того, что она часто улыбалась. Из косметики она использовала лишь тушь для ресниц, которая делала ее голубые глаза выразительнее; на щеках же красовался есте-

ственный румянец. Дай волю тете Люсинде, она бы покрыла ее косметикой с ног до головы, но я должна была признать, что мама Колина настолько хорошо вписывалась в образ хозяйки загородного поместья, что я бы ничего не меняла.

– Давайте пройдем в сад за домом, – сказала Пенелопа, беря Арабеллу под руку. – Меня очень интересует поиск подруги Прешес, но сначала нам нужно перекусить. Я умираю от голода.

Они двинулись в обход исполинской лестницы, я же остановилась, пораженная настолько, что могла лишь молча смотреть. Сквозь широкое эркерное окно, тянущееся до высокого потолка, сочился свет. Старинные напольные часы расположились возле мощной деревянной балюстрады широкой лестницы; они бы терялись в этом пространстве, если бы не темные резные панели, которые окружали большой зал и поднимались по стенам. Они придавали холлу привлекательности и уюта. Громадная латунная люстра свисала с кессонного потолка, освещая подвешенные над панелями написанные масляными красками картины с изображением людей в старомодных нарядах.

На лестнице в доме моего деда тоже было множество старых картин с давно умершими Мэдисонами, жившими еще до моего рождения. Мне всегда казалось странным, что за мной следят мертвые люди, и я быстро проносилась по лестнице, чтобы избежать их жутких взглядов. Я попыталась представить себе, как маленький Колин спешит промчаться

по лестнице поскорее по той же самой причине, но не смогла. Он не походил на человека, пасующего перед детскими фантазиями.

Я приблизилась к одной из самых больших картин. На ней семья – мать, отец, трое детей – и большой пес позировали в том же самом зале, где я сейчас стояла, на том же самом ковре, лежащем на том же самом месте. Сзади приблизились шаги.

– Ты как будто смотришь в зеркало и видишь там прошлое, правда ведь? – спросила Пенелопа, словно прочитав мои мысли.

– Это точно. Сколько лет этой картине?

– Думаю, она середины восемнадцатого века. Но холсты на другой стороне комнаты гораздо старше. Говорят, они с шатра для пиров Короля Генриха.

– Короля Генриха? – спросила я, повернувшись, чтобы осмотреть разноцветные полотна со сценами охоты, покрывающие большую часть стены.

– Восьмого. Того, у которого было шесть жен и страсть к отрубанию им голов.

Ошарашенная эпохальностью увиденного, я с трудом вспомнила, что нужно закрыть рот. И все это висело в отчем доме Колина!

– Офигеть можно, – пробормотала я.

Услышав приглушенный звук за спиной, я обернулась и увидела хихикающую в кулак Арабеллу. Пенелопа стояла с

удивленным видом. Я уже готова была извиниться за слово «офигеть», произнесенное в приличном обществе, но тут Пенелопа издала один из своих смешков, и я поняла, что прощена.

Все еще посмеиваясь, она взяла меня под руку и провела нас через сводчатый дверной проем.

– Давайте перекусим. А потом поговорим о нашей дорогой Прешес и ее подруге. Просто невероятно, что вы с ней родственницы, пусть и дальние. Мир тесен, правда ведь?

Молодая женщина в джинсах и кроссовках, представленная как Анна, принесла обед и поставила блюда на металлический стол, спрятавшийся в тени дома. Буйная россыпь цветов заполняла все горшки и ящики на задней террасе, а чуть дальше виднелся более организованный сад с аккуратно подстриженной живой изгородью и еще большим количеством цветов.

Стол украшала посуда из костяного фарфора – вероятно, английского – и все те же цветы, а сам обед из киша с салатом словно сошел со страниц одного из журналов Люсинды со светскими сплетнями. А может, из «Ливинг» Марты Стюарт. Мы ели десерт из свежей клубники со взбитыми сливками, и я все гадала, как Колин смог уехать отсюда.

Анна вернулась с заварочным чайником, и я, смирившись, согласилась еще на одну чашку горячего напитка. Все еще скучая по душистому чаю, я была вынуждена признать, что начинаю привыкать к английскому варианту, если его

сделать более удобоваримым с помощью щедрой порции молока и сахара.

Пока мы потягивали чай, Пенелопа отлучилась. Вернулась она с двумя большими холщовыми хозяйственными сумками «Сэйнсбериз» и поставила их на землю у моего стула.

– Одна из них принадлежала моей свекрови Софии. Именно через нее мы знаем Прешес и то, как Прешес стала для Колина бабушкой. К сожалению, моя мать умерла, когда я только-только вышла замуж, но милая Прешес чудесно подошла на роль второй бабушки. София умерла пять лет назад, так что Прешес – наша последняя связь с тем поколением.

Она указала на одну из сумок.

– Тут бóльшая часть фотоальбомов, писем и шкатулок со всякой мелочью, которые я нашла в комнате Софии после ее смерти. Не думаю, что она бы стала возражать, что ты немного поизучаешь их, но только при условии, что потом они все вернутся на место. Если у Колина когда-нибудь появятся дети, они будут рады получить их. И я совершенно уверена, что если эта самая Ева была близкой подругой Прешес, то значит, моя свекровь тоже знала ее. Быть может, здесь прячется единственная возможность найти ее следы.

– Потрясающе... спасибо, – проговорила я. – И все-таки интересно, откуда ваша свекровь знала Прешес.

– Они познакомились благодаря моде, ни больше ни мень-

ше. До войны. Прешес была моделью, а моя свекровь – покупателем, которая сдружилась с несколькими моделями, демонстрировавшими ей наряды. София была из тех редких людей, которые сходились с кем угодно, независимо от класса или национальности. Конечно же, она всегда помнила о своем статусе и могла иногда становиться тем еще снобом, но, мне кажется, это из-за мира, в котором она росла. Я всегда знала ее как добрую и бескорыстную женщину.

Пенелопа подняла чашку и задумчиво отпила из нее.

– София всегда была великолепной хозяйкой. В ее бомбоубежище никогда не переводились джин и шампанское – не спрашивай, как она умудрялась это повернуть со всеми этими дефицитами и нормированиями. Званный вечер мог запросто переместиться из гостиной в бомбоубежище до тех пор, пока бомбежка не заканчивалась. Она устраивала пышные вечеринки на неделю тут, в Овенден-Парке, для целых эскадрилий. Мне кажется, там есть несколько газетных вырезок, – указала она на одну из сумок.

Появилась Анна, чтобы убрать со стола, а мы встали, собираясь уезжать. На обратном пути через дом я попыталась сосредоточиться на словах Пенелопы и перестать тарачиться на архитектурные элементы и произведения искусства, мимо которых мы проходили.

– Арабелла упоминала, что ты из Атланты, – сказала Пенелопа. – Часто домой ездешь?

– На самом деле я из Уолтона – это час езды от Атланты, –

но о нем никто никогда не слышал, так что Атланта сгодится, – улыбнулась я. – А езжу не часто. Работа не оставляет свободного времени.

– Но я уверена, что приятно иметь родной город, в который можно возвращаться. Атланта – прелестный город.

Я удивленно посмотрела на нее.

– Вы там бывали?

Пенелопа обменялась быстрыми взглядами с Арабеллой.

– Да. Я немало времени провела в Атланте. Но это было много лет назад. – Она натянуто улыбнулась, давая понять, что на эту тему ей больше сказать нечего. Мы дошли до входной двери. – Было приятно наконец-то познакомиться с тобой, Мэдди. Я так много слышала о тебе за эти годы. Хорошо, что теперь я лично узнала героиню этих рассказов. – Она с заговорщицким видом наклонилась ко мне. – Мне особенно нравится история о стаде коз в столовой. Довольно остроумно, но никому не говори, что я это сказала. – Она подмигнула. – И еще с меня запоздалая благодарность за то, что в университете ты вытащила Колина из его скорлупы. Боюсь, это наша вина – есть у нас склонность к витанию в облаках. Так что спасибо тебе.

Я хотела ей сказать, что Колину нравилось сидеть в своей скорлупе, что ему не особенно-то и нравились мои «ребячьи проказы», как он их называл. Вместо этого я сказала:

– По-моему, Арабелла приукрашивала некоторые истории.

– Арабелла? – произнесла она, покачав головой. – Это Колин рассказывал о твоих подвигах. Мы с его отцом любили эти смешные истории – они как будто делали нас частью университетской жизни сына. Хотя, я совершенно уверена, до *всех* историй нас не допускали, и слава богу.

Она снова рассмеялась, и, несмотря на смущение, я поймала себя на том, что улыбаюсь.

– Спасибо вам, Пенелопа. За обед и за это все. – Я подняла одну из сумок. – Даже если мы не найдем в них Еву, там могут оказаться фотографии и письма, которые я смогу использовать для статьи и выставки.

– Держи меня в курсе. Обожаю загадки. Помню, София любила рассказывать о своей жизни во время войны. Но не Прешес. То немногое, что знаю, я по крупицам выудила у Софии. И она никогда не рассказывала свои истории в присутствии Прешес, или Прешес просила ее остановиться. Но я знаю, что Прешес вела довольно роскошный образ жизни модели в Лондоне до войны, а затем после войны – в Париже.

– Она считалась одной из первых супермоделей, – вмешалась Арабелла, – еще до того, как люди узнали, что это такое. Она была востребована и вращалась в кругах, которым была совершенно не ровня в начале своей карьеры в тридцатых. Удивительно, как меняются времена, правда?

– Конечно, – сказала Пенелопа. – Прешес жила в Париже – в «Ритце», прямо как Коко Шанель, – до семидесятых, после чего вернулась в Лондон.

– Арабелла говорила что-то о том, что Прешес была героиней Французского Сопротивления, – сказала я. – София упоминала когда-нибудь об этом?

Пенелопа покачала головой.

– Боюсь, очень мало. София оставалась в Англии на протяжении всей войны. Я уверена, что в этих сумках могут оказаться несколько писем от Прешес – немного, конечно, ведь это все же было военное время. Но, надеюсь, найдется что-нибудь полезное.

Она обеими руками отворила тяжелую входную дверь, и меня вдруг охватило, цепко, словно паутина, воспоминание из детства. Оно было о моей матери, со смехом тянущей на себя неподатливую входную дверь дома, в котором выросла. Мне снова напомнили о доме и о семейной истории, прячущейся в старых стенах.

Голос Пенелопы вернул меня в настоящее.

– Спасибо вам обоим, что приехали. Пожалуйста, возвращайтесь поскорее и прихватите с собой Колина. Может, когда муж будет дома. У Джеймса прекрасное чувство юмора, которое ты, Мэдди, должна оценить.

– С удовольствием. И еще раз спасибо.

Мы распрощались. Арабелла и я забрались в «БМВ», на этот раз поднимая крышу, так как начинал накрапывать дождь. Мы ехали молча, пока я обдумывала наш с Пенелопой разговор.

В конце концов я повернулась к Арабелле.

– Откуда Пенелопа знает о фотографиях, которые я делала в Оксфорде? Это же было почти восемь лет назад. Ты отдала ей те, где я сфотографировала тебя и Колина?

– Если честно, я совершенно о них забыла. Должно быть, Колин о них рассказал. Может, он показал ей ту шикарную фотку, где ты тайком сняла его на Мосту Вздохов.

Несколько секунд я молчала, размышляя. Я раздала все свои портретные снимки тем, кто был на них сфотографирован, хотя была уверена, где-то – вероятнее всего, в комодке в спальне дома в Уолтоне – у меня хранились негативы.

– Непонятно, зачем. Он вроде бы никогда не интересовался моими фотографиями. Как и всем, что касалось меня.

– Насколько я помню, он очень тобой интересовался, и насколько я помню, этот интерес был взаимным. Но после одного свидания – хоть ты и говорила мне, что вы чудесно провели время, – ты с Колином больше никогда никуда не ходила. Я помню, что после того свидания ты готова была встречаться с кем угодно, кроме Колина. Мы, кажется, о многом тогда не договорили, да?

Не дождавшись от меня ответа, Арабелла вздохнула и снова сосредоточилась на дороге. Снова зажужжал мой телефон, и на экране появилось лицо тети Кэсси. Я сбросила звонок, заметив, что она звонила уже восемь раз.

– Тебе стоит ответить, Мэдс. И стоит сказать ей, что ты приедешь на свадьбу своей сестры. Так будет правильно.

Телефон зазвонил снова, но я не даже не шелохнулась,

чтобы ответить. Арабелла продолжала:

– Я знаю, что ты любишь свою семью. Просто мне хотелось бы, чтобы ты рассказала мне, почему ты их держишь на расстоянии вытянутой руки. – Она шумно выдохнула. – Ты и со мной так же поступаешь. И из-за этого очень сложно узнать тебя получше. Это очень не по-американски с твоей стороны, между прочим. Большинство американцев расскажут всю свою жизнь за пятнадцать минут первому встречному в метро. – Она улыбнулась, пытаясь смягчить свои слова. – Я знаю тебя много лет, Мэдди, и примерно столько же времени мне понадобилось, чтобы узнать имена твоих братьев и сестер. Из нас именно я всегда звоню, всегда задаю все вопросы. Я бы давно сдалась, но мне кажется, что я нужна тебе в твоей жизни. Ну, и ты мне, в общем-то, нравишься. Ты довольно забавная и интересная, когда не увливаешься и не уходишь в себя.

Трудно было спорить с человеком, который совершенно прав. Я и сама-то себе не могла этого объяснить, поэтому промолчала. Почувствовав жужжание телефона, на этот раз я провела пальцем по экрану и ответила.

Отвернувшись от Арабеллы, я тихо проговорила в трубку:
– Я не могу сейчас разговаривать. Можно я перезвоню позже? И если это по поводу свадьбы, то я, если честно, еще это не обдумала.

– Это не по поводу свадьбы, Мэдди, хотя мы на этот вопрос тоже ждем ответ. Я звоню тебе из-за тех результатов

тестов. Доктор Грей ничего не сказала, но мне известно достаточно, чтобы волноваться по поводу того, попросила ли она тебя записаться на прием – обсудить это. Я буду спать куда лучше, зная, что ты уже записалась. Сэм просил меня не волноваться, но ты же для меня как дочь. Это все равно что велеть лягушке не квакать.

– Запишусь, тетя Кэсси... со временем. Я просто сейчас кое-чем занята. Подумаю об этом, когда вернусь в Штаты.

– Но тебе нельзя тянуть, милая.

– Мне нужно бежать, – прервала я ее. – Я тебе завтра наберу.

Я нажала на красную кнопку и закончила разговор, зная, что моя тетя так легко не сдастся.

После недолгого молчания Арабелла сказала:

– Я знаю, что немного болтлива, но я могу и хорошо слушать. Если захочешь со мной поговорить о чем-нибудь, я готова. А еще я хорошо храню секреты. Можешь Колина спросить.

Я удивленно взглянула на нее.

– У Колина есть секреты?

Она искоса глянула на меня.

– У всех есть секреты, Мэдди.

Отвернувшись, я смотрела, как мимо проносится дорога, следя за сбегающими по моему окну ручейками воды. Я уплыла мыслями назад – к загадочному портсигару Евы из сумочки Прешес и латинской надписи. *Предай сама, прежде*

чем предали тебя.

– Как ты думаешь, что означает эта латинская фраза на портсигаре? – спросила я.

– Я думала о том же самом. Столько способов предать человека! Предательство любимого человека, или в семье, начальника или подчиненного. Политические предательства. Удивительно, что мы еще спим по ночам при такой россыпи возможностей.

Я снова отвернулась к окну, думая о еще одном виде предательства – о том, которое Арабелла не упомянула. О том, с которым человек родился, которое сидело в нем, как бомба замедленного действия, готовая вот-вот взорваться.

– Да уж, удивительно, – тихо проговорила я, после чего включила радио, чтобы заглушить свои мысли и жужжание телефона, который не собирался останавливаться, как бы я того ни желала.

Глава 9

Лондон

март 1939 года

Ева сидела за туалетным столиком в комнате для моделей в Доме Луштак, отвернувшись от зеркала и закрыв глаза. Мистер Данек брал из небольшой баночки тени с блестками и аккуратно наносил ей на веки. Почувствовав, что он отошел, она открыла глаза и улыбнулась.

– Ну как?

– Идеально. Тебе ничего и не требуется – у тебя кожа прямо-таки фарфоровая. Немного румян, ммм?

Она кивнула, и он достал еще одну баночку. В комнату влетела миссис Уильямс с аккуратно перекинутым через руку шелковым платьем персикового цвета. Поджав губы, она принялась изучать Еву.

– Мне кажется, нужно больше туши, мистер Данек. У нее такие прелестные глаза. – На ее лице появилась улыбка. – Твое платье выглажено, и я нашла меховую накидку из прошлогодней коллекции – можешь взять ее. Только обещай мне, что ничего не повредишь. – Она закрыла глаза и прижала руку к груди. – Пообещай мне это. Показ на следующей неделе, и у меня не будет времени перешивать или отчищать пятна.

– Обещаю вам, я буду крайне аккуратна.

Подняв глаза, чтобы мистер Данек мог нанести ей черную тушь на верхние ресницы, Ева сказала:

– Не знаю, как вас обоих отблагодарить. Жаль, что вы не разрешаете мне оплатить вашу помощь.

– Пустяки, – ответила миссис Уильямс, махнув рукой. – Мне в любом случае сидеть тут до полуночи и шить для показа. А так я немного отвлеклась. И я очень признательна за пирог с мясом и почками на ужин. Очень мило с твоей стороны.

– Присоединяюсь, – произнес мистер Данек со скромной улыбкой.

Ева улыбнулась ему в ответ, но в глаза не посмотрела. Она призналась ему, что не хочет, чтобы Грэм увидел, где она живет; чтобы он нюхал по пути к ней горелый жир и остальные ароматы, исходящие от ее соседей. Скоро они с Прешес подберут более респектабельную квартиру с адресом, который не стыдно называть водителю такси. Или Грэму.

Когда мистер Данек закончил, Ева откинулась на спинке стула.

– Теперь можно смотреть?

После его кивка Ева развернулась на табурете и посмотрела на свое отражение в зеркале. Казалось, она смотрит в будущее, на женщину, которой хотела стать, – изящную и красивую. Обеспеченную. Леди. Пытаясь обнаружить в отражении дочь прачки, она подалась вперед, удивленная той нитью печали, что обвилась и сжималась вокруг ее радости. На од-

но короткое мгновение ей внезапно захотелось, чтобы здесь оказалась ее мать и увидела ее. Разделила с ней ее счастье.

– У тебя прелестная прическа, – произнесла швея из-за спины девушки.

– Благодарю вас, миссис Уильямс. Я сама ее сделала. – Ева коснулась нежных кудряшек, обрамлявших ее лицо и собранных на затылке в тугой пучок. Она обучилась этому стилю, штудирова журналы мод и изучая прически актрис в кинофильмах. Не из одного газетного киоска ее выгнали за то, что она читала журналы, а не покупала их. Но ей ведь были нужны деньги на позолоченные босоножки с высокими каблуками и ремешками, которые она увидела в «Селфриджиз» и в которые моментально влюбилась.

– Ну, смотрится она так, словно ты ходила в один из модных салонов красоты. Ну теперь-то, – проговорила пожилая женщина, расплываясь в улыбке, – ты готова надеть платье? Я перекроила его, так что должно сидеть как влитое.

Шелк персикового цвета, нежный и струящийся, скользнул по плечам девушки.

– Оно... – Ева остановилась, не в силах выразить, что испытывает чувство, словно воплотилась ее мечта. Всколыхнулось воспоминание о матери: та стояла, склонившись над стиральной доской, ее когда-то прекрасные волосы стали блеклыми и безжизненными. Ева рассказывала ей о только что увиденном кинофильме – «Оклеветанная» с Мирной Лой – и о прекрасной девушке из богатой семьи, носившей

красивые наряды. Но мать прервала ее на середине фразы.

– Выше головы не прыгнешь. Тебе бы лучше это запомнить.

И Ева помнила. Но только для того, чтобы доказать, что мать неправа.

– Оно совершенно, – закончил за нее мистер Данек.

Ева кивнула.

– Как вы считаете, стоит надеть какую-нибудь бижутерию, ожерелье или сережки? Чтобы придать платью блеска?

Мистер Данек покачал головой.

– Нет. Пестрые украшения теперь не в моде, дорогая. Поверь мне, это платье, твое лицо и твоя фигура – все, что тебе нужно. Люди подумают, что ты принцесса. Сегодня в Лондоне со всеми этими правительствами в изгнании только начни говорить с иностранным акцентом, сразу всех одурачишь.

Ева рассмеялась.

– Это я могу. По акцентам я настоящий специалист, мистер Данек. – Она изобразила его собственное произношение настолько точно, что он откинул голову и засмеялся.

– Да, дорогая. Ты – молодец. Ты, должно быть, хороший слушатель.

Ева кивнула с серьезным видом.

– О да. Я всегда слушаю – в автобусе, в театре и других девушек мадам Луштак. Одетта говорит, что мой французский лучше ее!

Мистер Данек снова засмеялся и принялся убирать кос-

метику.

– С твоего позволения я передам тебя в умелые руки миссис Уильямс. У меня есть бутылка холодного шампанского к приходу твоего джентльмена. Небольшой бокал поможет тебе успокоить нервы.

Ева хотела сказать, что она не нервничает из-за официального знакомства с сестрой Грэма, или притвориться, что она вполне комфортно себя ощущает в высшем обществе, и что никто точно не догадается об ее истинном происхождении. Но это было бы ложью. Она весь день не могла проглотить ни куска, и даже мысль о шампанском вызывала у нее тошноту.

– Благодарю вас, мистер Данек.

В ответ он склонил голову и удалился.

– Думаю, я готова, – произнесла Ева на удивление спокойным голосом.

– Кроме этого.

Миссис Уильямс протянула ей меховую накидку.

– И сумочки, – добавила Ева, поднимая сумочку Прешес.

Миссис Уильямс проводила ее до двери.

– Я приду завтра рано утром, еще до мадам Луштак. Пожалуйста, не опаздывай и верни платье с накидкой вовремя.

– Не волнуйтесь, я приду.

Очень аккуратно Ева прошла по коридору до двери в шоурум и открыла ее. Горело всего несколько ламп, и, судя по всему, все ушли. Она подавила свою досаду и вошла в ком-

нату, закрыв за собой дверь.

– «Она идет во всей красе, светла, как ночь ее страны»¹⁰.

Ева повернулась на звук голоса Грэма. Трепет от его присутствия омрачила лишь мысль о том, что ей следовало знать поэму, которую он процитировал. Образованная дочь врача из Девона точно бы знала. А он замолчал, словно ждал, что она закончит четверостишие.

– Грэм, – произнесла она вместо этого. Быстро подойдя к нему, она крепко поцеловала его.

– Любимая, – прошептал он. – Какое очаровательное приветствие.

– Я скучала. – Ева подошла еще ближе и снова поцеловала его. – Прошел уже целый день.

Его руки скользнули ей за спину, теплые пальцы легли на ее обнаженную кожу. Он глубоко вздохнул, а затем слегка отстранился от нее.

– Может, бокал шампанского? Иначе я сомневаюсь, что мы доберемся до приема, и София огорчится.

– Что ты ей рассказал обо мне? – спросила Ева.

Он, казалось, удивился вопросу.

– Как что? Правду, конечно.

– Правду? – переспросила она. Во рту внезапно пересохло.

– Да, любимая. Тебе нечего стыдиться. Она тебя, кстати, помнит. С того дня, когда ты демонстрировала наряды ей и

¹⁰ Строки стихотворения Дж. Байрона «Она идет во всей красе...» (1814).

нашей матери. Она подумала, что ты очаровательна. А еще она находит достойным восхищения то, что ты сама пробилась в жизнь после такой трагедии. Быть «бельевой прищепкой» в доме мод с хорошей репутацией – достойно уважения. – Он взял ее ладони в свои. – Наша мать не столь прогрессивно мыслит, но она поменяет свое мнение, уверен. Я могу быть весьма убедителен.

Он улыбнулся, и Ева ответила ему улыбкой, но губы ее дрожали. В этот момент она чуть не рассказала ему всю правду. Но она не хотела портить такой момент. И еще она уверенно могла сказать, что уж если миссис Сейнт-Джон считала дочь врача, ставшую моделью, неподходящей партией для сына, то страшно представить, что произошло бы, узнай она правду. Грэм потянулся к открытой бутылке на маленьком столике и налил шампанское в два предусмотрительно подготовленных бокала. Один он протянул Еве, не отрывая от нее глаз.

– Ты выглядишь просто потрясающе, Ева. Полагаю, остальные дамы могли бы одеться в рубища, и никто из джентльменов этого не заметит.

Она отпила из своего бокала и улыбнулась.

– Меня интересует внимание только одного джентльмена. А он и сам выглядит сегодня превосходно. – Она остановила свой взгляд на сшитом на заказ черном смокинге Грэма, который облегал его стройное тело и подчеркивал широкие плечи; на черном галстук-бабочке и белой с вкраплениями

золота сорочке с отложным воротником, оттеняющей его загар. – И смотрится довольно экзотично – как Эррол Флинн в «Капитане Бладе».

Он наклонился и поцеловал ее; его губы вкуса шампанского не сразу оторвались от ее губ.

– Что это за пьянящий аромат?

– «Вол де Нуи». – Ее внезапно осипший голос, казалось, принадлежал не ей, а кому-то еще. Покупая босоножки, она прошла мимо стойки, за которой продавщица предлагала подушиться на пробу. Ева знала, что эти духи ей просто необходимы, но она не могла позволить себе купить их. Поэтому по пути к Дому Луштак она остановилась у «Селфриджиз» побрызгаться духами из бутылочки-пробника.

– Это означает «Ночной полет», – сообщила она, заранее выяснив у Одетты перевод и попрактиковав произношение – которое, по словам Одетты, было безупречным. – Из книги Антуана де Сент-Экзюпери о тяге человека к приключениям и преодолению невзгод.

Продавщица рассказала ей об этом еще до того, как поняла, что Ева – клиент неденежный, и быстро ушла помогать одетой в норковую шубу покупательнице.

Грэм поцеловал Еву за ухом, куда она нанесла изрядную порцию духов; она почувствовала, как участился ее пульс.

– Так значит, у тебя есть тяга к приключениям и жажда преодоления невзгод?

Она улыбнулась, продолжая поцелуй.

– Конечно.

– Тогда я скажу, что мы друг другу отлично подходим. – Когда он шагнул назад, на его губах играла улыбка, но глаза оставались серьезными. – Нам нужно идти. София хочет, чтобы мы пришли раньше других гостей, чтобы у нее было время познакомиться с тобой получше. – Он взял пустой бокал из ее пальцев и поставил его на стол рядом со своим, после чего поправил меховую накидку у нее на плечах. – А-а... – протянул он, когда она взяла сумочку и повесила себе на руку. – Этой сумочке мы многим обязаны, не правда ли? Если бы ты не уронила ее перед аптекой, мы бы так и не встретились.

– Это была судьба, правда? Как у Ромео и Джульетты, – гордо произнесла Ева, довольная, что смогла шегольнуть своей осведомленностью. Последовав предложению мистера Данека, она стала постоянно посещать библиотеку и брать книги, которые, по ее разумению, могли развить ее умственные способности. Она даже прочитала «Пигмалион».

– Очень надеюсь, что не так. Мне хочется верить, что нам не уготован такой трагический конец. – Он подмигнул ей, чтобы сгладить суровость сказанного, надел шляпу и пальто, а затем вывел ее на улицу, где перед входной дверью, ожидая их, стоял длинный темный автомобиль.

Водитель в униформе держал открытой заднюю дверцу. Грэм, должно быть, почувствовал колебания Евы, потому что положил ладонь на ее кисть, покоящуюся на сгибе его

локтя.

– К сожалению, он не мой – я всего лишь второй сын, да к тому же еще и скромный государственный служащий. Этот автомобиль я одолжил у моего будущего зятя, Дэвида Элиота. Он гораздо обеспеченней меня. Полагаю, единственная наша забота – это превратится ли он в тыкву в полночь или нет.

Она рассмеялась, и он снова ее поцеловал, а затем, взяв за руку, помог ей сесть на заднее сиденье. Он покинул Еву лишь для того, чтобы перейти на другую сторону машины и забраться в салон. После этого на протяжении всего пути до Сейнт-Джордж-Стрит он крепко держал руки девушки в своих.

Автомобиль снизил скорость, свернув на Беркли-Сквер, щеголяющую плоскими кирпичными фасадами четырех- или пятиэтажных зданий с равномерно распределенными подъемными окнами и латунными дверными ручками. Изящные особняки, окружающие закрытый сад в центре сквера, придавали всему району иллюзию совершенного оазиса, несмотря на близость к суматохе торгового района по соседству.

Водитель притормозил у края тротуара перед солидным парадным под железным навесом с каретными фонарями. Единственная каменная ступень вела к большой черной двери. Под замысловатым веерным окном с рифленным стеклом в центре двери, разинув в рыке пасть, их приветствовала

медная львиная голова дверного молотка. На секунду Еве показалась, что она говорит ей: «Иди к заднему входу, где тебе и место».

Водитель вышел из автомобиля и открыл дверь Евы. Грэм повернулся к ней и тихо спросил:

– Ты готова?

Он сжал ее ладонь. Он без слов понимал, как она нервничает, и за это она любила его еще сильнее.

– Грэм, – проговорила она, внезапно испугавшись и страстно захотев уехать отсюда. Но его взгляд, устремленный на нее, был открытым и честным, его глаза – полны света и вожделения.

– Да? – подбодрил он ее.

– Я... – Она остановилась. – Я рада, что ты сегодня со мной. Я чувствую себя такой растерянной, когда тебя нет рядом.

Его глаза расширились.

– Хорошо, – произнес он, и на его губах появилась улыбка. А затем он неспешно поцеловал девушку, долго не отрываясь от ее губ.

Парадная дверь особняка распахнулась. Слова, которые Грэм, возможно, хотел произнести, так и не прозвучали. Он выбрался из автомобиля и проводил Еву до двери, где их ожидал дворецкий.

Ева краем глаза разглядела величественный вестибюль с черно-белыми мраморными полами и вычурной лепниной,

нижнюю ступень парадной лестницы, видневшуюся в сводчатом проеме в дальнем конце фойе. Перед высоким позолоченным зеркалом их ожидала красивая молодая пара. Ева узнала Софию, отметив, что та надела одно из платьев, которые Ева демонстрировала на показе в Доме Луштак. Светло-голубое шелковое платье было более консервативного кроя, чем наряд Евы, но оно подчеркивало достоинства более полной фигуры Софии и ее округлой груди. Единственным дополнительным украшением – если не считать массивного обручального кольца с изумрудом на левой руке – была двойная нить жемчуга и сочетающиеся с ней серьги.

Грэм поцеловал сестру в каждую щеку и обменялся рукопожатиями с высоким темноволосым мужчиной рядом с ней. Грэм повернулся к Еве, но прежде чем он смог представить ее, София взяла Еву за обе руки.

– Грэм так много мне о тебе рассказывал, что мне кажется, будто я уже с тобой знакома. Я помню тебя в Доме Луштак. Ты была так красива во всех этих нарядах, что мне хотелось купить каждый комплект в надежде, что я буду смотреться в них как ты. – Она улыбнулась, отчего ямочки на ее щеках стали чуть глубже. – Конечно, это невозможно, но надеяться-то я могу.

София отпустила руки Евы и повернулась к мужчине.

– Это мой жених, Дэвид Элиот. Если бы он не был без памяти влюблен в меня, я бы ни за что не пригласила в дом столь прекрасное создание, как ты.

Она с сияющей улыбкой подняла глаза на Дэвида, и вернувшийся к ней взгляд, полный обожания, ясно дал понять, что она совершенно права.

Поздоровавшись с ними, Ева почувствовала неприятное покалывание в затылке. Слегка повернув голову, она буквально наткнулась на взгляд пары серых глаз, настолько светлых, что они казались серебристыми. Глаза, прячущиеся под густыми бровями, принадлежали мужественному лицу, которое нельзя было назвать идеальным из-за своей угловатости и носа, который был сломан, по меньшей мере, единожды. Он бы выглядел суровым, если бы не острые скулы и широкий лоб, разделенный «вдовьим пиком» темных волос. И улыбка, которую он адресовал Еве, поднося сигарету ко рту.

Дэвид проследил за ее взглядом.

– А, Александр. Познакомься с нашими гостями.

Мужчина затушил сигарету в пепельнице, а затем подошел к группе в фойе, небрежно ступая по мраморному полу. Он был крепкого телосложения, хоть и невысок; выражение его лица, казалось, говорило, что он проявляет интерес ко всему, но почему-то не находит того, что ищет.

– Александр Гроф, – представился он, протягивая руку Грэму. – Мы с Дэвидом старые друзья – еще с Хэрроу.

Они пожали друг другу руки. Грэм представился, а затем, положив руку Еве между лопаток, подвел ее ближе.

– Это мисс Ева Харлоу.

Необычные глаза мужчины встретились с ее глазами, и ее пронзило что-то похожее на разряд электричества. Но не подобный тому, какой она ощущала от взгляда Грэма. Это было скорее ощущение удивления, вызванное незванным гостем, пытающимся проникнуть через запертую дверь. Александр поцеловал ей руку, заставив ее пожалеть, что вечерние перчатки уже не в моде. Она не стала смотреть на свою кисть, уверенная, что его губы оставили на ней какой-нибудь след.

– Приятно с вами познакомиться, мистер Гроф, – проговорила Ева, хотя приятно ей вовсе не было. Он был эффектным, притягательным мужчиной, но походил на сочное красное яблоко, свисающее с дерева: на вид прекрасное, но внутри, быть может, ядовитое. Возможно, она просто смотрела слишком много кинофильмов, но все же не могла избавиться от чувства беспокойства, которое он ей внушал; от ощущения, что наступила в зыбучий песок.

– Взаимно, – произнес он и одарил ее столь очаровательной улыбкой, что она усомнилась в своем первоначально отрицательном впечатлении о нем. – Боюсь, я немного расстроил нашу очаровательную хозяйку, явившись без приглашения и образовав за ужином нечетное число. Я пытался уйти, но София и Дэвид настояли, чтобы я остался. Говорю это лишь для того, чтобы вы не подумали худо о способностях мисс Сейнт-Джон принимать гостей, которые выше всяких похвал. Заявляю это со всей прямоотой как человек, неоднократно бывавший у нее в качестве гостя.

– О, Алекс, какой вздор, – пробормотала София, премило покраснев. – И неужели я для тебя и в самом деле мисс Сейнт-Джон? Я убеждена, что нам всем стоит называть друг друга по именам. Те из нас, кто хорошо знают друг друга, – очень хорошие друзья, а те, кто еще нет, – скоро станут таковыми. – Она взяла Еву за руку и легонько сжала, а затем повела ее через сводчатый проем к лестнице. – Пожалуйста, зови меня Софией. И могу ли я называть тебя Евой?

– Я была бы признательна, – ответила Ева, проникаясь симпатией к девушке.

Когда они дошли до лестницы, Ева бегло взглянула в комнату напротив и увидела книжные полки и массивный письменный стол – видимо, это была библиотека. София повела ее наверх, в изящно оформленную гостиную. В камине потрескивал огонь, который придавал комнате уюта, но не мог изгнать дрожь Евы, возникшую то ли из-за открытой спины платья, то ли от ощущения, что что-то идет наперекосяк.

Она отыскала взглядом глаза Грэма; он улыбнулся ей. Ее тревога тут же исчезла. София заметила, что она дрожит, и подвела ее к небольшой кушетке возле камина, обтянутой темно-синим бархатом.

– Я сказала, чтобы все комнаты прогрели, а ты до костей промерзла.

Она сверкнула глазами на дворецкого, который тут же нажал звонок, видимо, вызывая горничную, чтобы та растопила камин.

Ева опустила на кушетку, радуясь возможности дать ногам отдых.

София продолжала:

– Мне стоило бы избавиться от большинства из них – они совсем разнежились от жизни в Лондоне. Работники из деревень, говорят, гораздо лучше. Не такие интеллигентные, но работают усердно. Мне кажется, что они так сильно мечтают сбежать из своих лачуг и жить в лондонском особняке, что готовы работать вдвое больше за половину платы. – Она улыбнулась своему остроумию, по-видимому, не заметив каменного выражения лица Евы. И оно было связано не с температурой в комнате, а со сказанными Софией словами, в особенности «лачугами».

После того как София извинилась и пошла встречать остальных гостей, Ева снова взглянула на Грэма, мечтая, чтобы он сел рядом с ней. Он стоял к ней спиной. Она хотела окликнуть его, но перед ней, закрыв собой Грэма, появился Александр. После короткого поклона и дежурного «Вы позволите?» он, не дожидаясь ответа, сел возле нее.

Она еще не успела отреагировать на внезапное соседство, как к ним приблизился Дэвид.

– На сегодняшний вечер я официально ответственный за ваши напитки. София говорит, что я довольно неплохо с этим справляюсь и что это основная причина, почему она выходит за меня замуж.

– Вполне логично, – произнесла Ева, радуясь его появле-

нию. – Прошу вас «Френч семьдесят пять».

Прешес заверила ее, что все умные женщины любят этот коктейль с шампанским.

– Сделай два, – добавил Александр, одарив Еву еще одной очаровательной улыбкой. Он сидел на почтительном расстоянии от нее, оставляя между ними большое свободное пространство, что отчасти ее успокоило.

Спустя несколько минут обсуждения погоды горничная в форменной одежде принесла на подносе напитки. Александр взял оба и протянул один Еве.

– Ваше здоровье, – произнес он, поднимая бокал. Ева поступила так же и сделала маленький, подобающий леди, глоток.

– Вы – чех? – спросила она, с запозданием узнав акцент, кроющийся за безупречным английским.

Он удивленно посмотрел на нее.

– Bravo, Ева. Моя мать – англичанка, но мой отец – наполовину чех, наполовину немец, выросший в Праге. Как и я до того, как поступил в Хэрроу, в совсем юном возрасте тринадцати лет. Я считаю, что моя верность распределилась между тремя странами. – Он сделал еще глоток и уважительно окинул ее взглядом. – У вас прекрасный слух.

Взгляд его серебристых глаз был столь пронизательным, что Еве пришлось посмотреть в сторону. Она сосредоточенно глядела на пузырьки, поднимающиеся к поверхности коктейля, и отпила еще немного.

– А где вы слышали мой родной язык? – спросил он.

– От моего друга Антона Данека. Он делает макияж моделям Дома Луштак.

– А, – проговорил он, медленно кивая. – Я подозревал, что вы – модель. У вас редкая красота. Красота, которая заслуживает того, чтобы ее подчеркивали драгоценности и прекрасные наряды.

– Благодарю вас, – снова занервничав, ответила девушка. В том, как он говорил, чувствовался скрытый намек на нечто непристойное; от этого у Евы запылали щеки. Она поставила свой бокал на край стола и нащупала в сумочке портсигар. Она неловко попыталась раскрыть его и уронила на пол. Петля, которую Прешес склеила лаком для ногтей, сломалась, и по персидскому ковру рассыпались сигареты.

Горничная бросилась к ней и подала ей обломки портсигара с тремя оставшимися внутри сигаретами.

– Благодарю вас, – проговорила Ева, положив все, кроме одной, сигареты, к себе в сумочку. Горничная, девушка еще моложе Евы, выглядела встревоженной, словно застеснялась от того, что ее заметили.

– Позвольте мне, – произнес Александр, подавшись вперед с зажженной спичкой в руке.

Дрожащей рукой она вставила сигарету в рот. Он зажег ее сигарету, затем прикурил сам, не отрывая глаз от ее лица.

– Так откуда вы?

– Из Девона, – ответила она.

Откинувшись назад, он внимательно посмотрел на нее.

– Нет, вы не из Девона.

Когда она вставляла в рот сигарету, стараясь скрыть пробудившийся в душе дикий страх, ее рука тряслась.

– У вас очень правильный акцент, но время от времени я слышу интонации не совсем правильные – и они также не свойственны жителям Девона. Видите ли, Ева, не только у вас хороший слух.

Она выпустила дым изо рта, выжидая, стараясь обдумать ответ. Мистер Данек говорил ей, что если хочешь солгать правдоподобно, нужно смешать ложь с правдой.

– Я родилась в Йоркшире, в небольшом городке под названием Макер. Мы переехали в Девон, когда я была маленькой, но, полагаю, именно там я и заговорила.

– А, да, вполне возможно. – Он выпустил струю дыма изо рта; его губ коснулась заговорщицкая улыбка, а глаза продолжали изучать ее.

Рядом с Евой появилась София.

– Мне кажется, ты единолично захватил внимание нашего нового друга, Алекс. Прости нас. Нам о многом нужно поговорить. – Она протянула руку, и Ева, вставая, постаралась не выказать своей поспешности и нетерпения. Она поймала взгляд стоящего в дальнем конце комнаты Грэма и почувствовала, как ее нервы успокаиваются от тепла его глаз. В венах пульсировала кровь. Ей хотелось, чтобы они снова оказались в шоу-руме, только они вдвоем.

Александр встал и церемонно поклонился.

– Было очень приятно.

Ева ответила неопределенной улыбкой, а затем позволила Софии увести себя. Остаток вечера прошел как в тумане. Позднее Ева не смогла припомнить ни имен, ни того, чем ее угощали, о чем разговаривали и что она отвечала. Все, что она запомнила, – это близость Грэма, его ногу, прижатую к ее ноге под столом, и пугающие серебристые глаза мужчины, взглядов которого она так старалась избежать на протяжении всего приема.

Глава 10

Лондон

май 2019 года

Раздался звонок в дверь. Я оторвала взгляд от ноутбука, в который набрасывала описания и истории к нарядам, отобранным Прешес и нами с Арабеллой к выставке. Комплекты, юбки и жакеты валялись вокруг меня на кровати, и когда я встала открыть дверь, персиковое шелковое платье соскользнуло на пол.

Наклонившись, я провела пальцами по ткани, все еще мягкой после восьмидесяти лет, прошедших с того времени, когда платье надевали последний раз. Я положила его рядом с черным тюлевым платьем на одно плечо, и мне нестерпимо захотелось коснуться и его тоже. Я по-новому взглянула на моду, просто разговаривая с Прешес и делая заметки, что было довольно удивительно, учитывая мой обычный наряд, состоящий из джинсов и рубашек с пуговицами. Я бы даже предложила новое название к выставке и статье, которое Арабелле понравилось: «Война и красота: мир моды в мире войны».

Мне нравилось буквально все в этом задании. Мне нравилось разговаривать с Прешес и узнавать об индустрии моды в конце тридцатых и в сороковых годах, и мне нравились прекрасные наряды, окружающие меня. Мне нравилось все,

кроме присутствия Колина Элиота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.